

**ЮРИЙ
МОРОЗОВ**

ТАЙНА
МИСТЕРА
КИТА

Юрий Морозов

Тайна мистера Кита

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66731158

Аннотация

2020 год. Секретарь министра магии Чип Эгансвил не исчезает с обложек Ежедневного пророка. К осени готовится беспрецедентный матч по квиддичу, где не будет мётел. И в этот самый год мистер Деклан Дример встречает полулицого волшебника Лаладжа Кита, который бесповоротно изменит его жизнь. Его, и не только.

Всё что в тексте принадлежит Джоан Роулинг, принадлежит Джоан Роулинг. Всё прочее – следы на песке.

Событие первое. Знакомство

Деклан Дример: огненно-рыжий, долговязый джентльмен на пятом десятке, – из вежливости, предложил гостю чай. Гость, согласился. Вот только попросил чашку не приносить, сказал у него есть с собой чашка. И ложка, и даже волшебная палочка. Проговорив последнее гость усмехнулся, от чего мистер Дример, так и не понял – маг перед ним или маггл.

Снаружи шел ливень и когда промокший до нитки, но веселый брюнет попросил переждать у него грозу, долговязый пожав плечами впустил незнакомца.

Ему было совершенно все равно впускать в дом друга или врага. Может потому, что у мистера Дримера никогда не было ни друзей, ни врагов.

Приготовив чай, не без помощи магии (и всё же маглы, думал рыжий, кажутся более самостоятельными, нет?), Дример вернулся в прихожую. Кудрявый сидел в его любимом кожаном кресле, сухой, словно не был снаружи, нога на ногу, рука подпирает висок. Он гладил кота, по кличке Ржавь. Точно так, как обычно это делал сам Дример. Точно, да не совсем. Дело в том, что питомец выглядел, скорее, напуганным, нежели счастливым, но с колен незнакомца не уходил.

Почему напуганным? Мистер Дример отметил про себя,

что Ржавь не ластится, и лапами не топчет; хвостом не виляет, не моется и не тянет пасть от зевоты, как обычно это бывает. Нет. Ржавь сидел, будто ему приказали, а тонкие худые пальцы прищельца гладили его против шерсти.

– У вас замечательный пушистик, – заявил гость.

Он взял Ржавь за загривок (хорошо не зубами, от чего-то пронеслось в рыжей голове) и опустил кота на пол.

Пушистый не бежал, нет, но и не плелся. Он рысцой покинул прихожую. И по всему казалось, будто кот только что напакостил, а теперь, решил скрыться от греха подальше.

– Я не представился, – сказал кудрявый встав со стула и подойдя к долговязому, – Лаладж Кит. Я, коммивояжёр.

Вместо правой, он протянул левую руку и только теперь мистер Дример увидел, что у гостя, с правой стороны, многого не хватает. Ему не хватало глаза и брови над ним. Не хватало уха, вместо него был чуть заметный огрызок, не хватало пальцев на руке. Трех, если быть точным: большого, указательного, и мизинца.

Мистер Дример поставил поднос, на рядом стоящий столик, пожал левой рукою протянутую руку гостя.

Она оказалась холодной, безжизненной и напоминала кусок резины.

"Манекен после детской комнаты", – так для себя охарактеризовал брюнета долговязый.

– Деклан Дример, – представился рыжий. – Работаю в министерстве.

Это было специальное представление. Когда не знаешь, наверняка, маг перед тобой или магл, лучше говорить так. А потом, просто слушать, и станет ясно: кто есть кто.

Рукопожатие завершилось, гость несколько секунд разглядывал мистера Дримера с поистине врачебным любопытством.

– Обычно, – сказал кудрявый успокоив жадный глаз, – мой вид вызывает вопросы. Но похоже вам, дорогой Деклан, это не интересно.

– Мистер Дример, – сказал долговязый, – я предпочитаю так.

Гость кивнул.

– Безусловно, мистер Дример. Как скажите, мистер Дример. Не пойду же я против ваших предпочтений, ведь так?

Долговязый пожал плечами. Он понятия не имел, что в представлении гостя "так", а что "не так". Кудрявый на этот жест ответил улыбкой и вернулся на место, сев в любимое кресло волшебника.

Мистер Дример скривил губы, пожевал их, но после решил, что он это переживёт. Несколько взмахов палочки и кресло станет вновь как новенькое.

Подобрав поднос, мистер Дример донес тот, наконец, до другого столика, в центре прихожей, поставил, сам же сел в гостевое кресло. Он никогда раньше в нем не сидел, по крайней мере в памяти на этот счёт было пусто.

Кресло оказалось крайне неудобным: слишком стройным,

слишком хрустящим, слишком новым. Неуютным, чужим, "обезжиренным".

"Выброшу на мусор", – наметил для себя рыжий.

– Я, наверное, сел на ваше место, мистер Дример? – спросил Кит, всем своим видом показывая, что он отчетливо понимает, что спрашивает очевидное. – Просто мне оно показалось более удобным.

Долговязый пожал плечами. Отрицать слова гостя было бессмысленно, а прогонять не учтиво. Чтобы не нагнетать – безразлично бросил:

– Пустяки.

– Благодарю, – быстро вставил Кит и прибавил: – Редко встретишь человека способного уступить. Правда, мистер Дример?

Дример вновь пожал плечами.

О каких уступках идёт речь, он не уловил.

Кит же опустил левую руку в карман, вытащил оттуда маленькую круглую чашку без ручки, на восточный манер, поставил её на стол. Он взял чайник наполнил первую, поднёс к губам горячий напиток. Кудрявый долго-долго дул на него. Раздражающе долго, но... Долговязого было трудно чем-то задеть. По-настоящему. И гостю, казалось, это не очень нравилось.

Кит отпил громко хлебая, а потом прибавил умиленно сощурившись:

– М-м-м. Какой вкусный у вас чай, мистер Дример...

– Благодарю, – ответил рыжий, задумчиво разглядывая изувеченное лицо пришельца. Он все-таки созрел к очевидному вопросу и как бы, совершенно случайно, его задал:

– С вами приключилась какая-то беда, мистер Кит?

Вопрос выступил в роли следствия гальванической батареи, кудрявый оживился. Он поставил чашку на стол, провел двумя пальцами по правой стороне лица:

– О, вы заметили, мистер Дример? – гость едко усмехнулся обнажив белоснежные зубы. Дример заметил, что они у него совершенно нормальные. – Ладно, простите. Я просто очень люблю пошутить. Да, вы знаете, действительно, не заурядный случай. Как-то раз, один мой старинный друг так "вознаградил" меня за оказанную ему услугу. Он бы и больше "даров" мне преподнёс, если бы, вдруг, с ним не случилось горе и его не разорвало на части от неудачного "эксперимента".

Долговязый нахмурился. Не от истории, ему откровенно говоря было безразлично её содержание, нахмурился он только потому, что от той формы, в какой она была подана Дример так и не понял главного: маг, этот Кит, или магл.

Хозяин помолчал, взвешивая все за и против и уже собрался спросить у Кита напрямую, однако тот опередил его.

– А что у вас делает символ магии? – спросил кудрявый брюнет указывая тонким длинным пальцем на картину в прихожей.

Символ Даров смерти мистеру Дримеру подарила его кол-

лега, с которой у него когда-то, очень давно, был роман. Но мистер Дример уже не помнил: ни когда именно это было, ни в связи с чем она дарила ему эту картину. Он, признаться, забыл, что она вообще там висит. Однако, и это было точно, Дример, знал, что изображается там никакой не символ магии. Он так и сказал:

– Это, никакой не символ магии, мистер Кит. Это символ Даров смерти.

– Неужели? – патетично возмущился Кит.

– Да.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Чушь, – гость принялся разглядывать свои грязные ногти вращая левую руку неприлично близко к лицу. Пояснил: – Круг, мистер Дример, это дар. Подарок природы делающий мага тем, кто он есть. Круг, потому как, все подарки это, одновременно, и проклятья. А поскольку конец круга и начало круга неотделимы, поэтому и был выбран этот символ.

Долговязый молчал. Слова Кита не казались ему чем-то обычным, но спорить с ними, пока, по крайней мере, ему не хотелось.

– Треугольник, – продолжал кудрявый опустив руку и теперь всецело обратив свой неполноценный взор в сторону входной двери и картины справа от неё, – символизирует заклинания. В старые времена они все состояли из трех слов. Обязательно. Это оптимальная форма для выражения опти-

мального содержания. Теперь же слов в основном два, а порою и вовсе, одно. Поэтому сейчас, я полагаю, было бы вернее нарисовать точку, максимум – две.

Дример, в ответ, недовольно крикнул сам не понимая, что он хотел этим выразить. Презрение? Нет. Недовольство? Нет. Желание высказать возражение? Упаси Бог. Мистер Дример крикнул, видимо, для того чтобы напомнить гостю, что он все еще есть, но сам пока не определился зачем именно.

– Линия, – завершал рассказ Кит, – это волшебная палочка. Здесь, я полагаю, объяснять ничего не нужно.

– Здорово придумано, – сухо бросил мистер Дример вяло парировав рассказ гостя. Слова не отражали эмоций даже приблизительно. В тоне рыжего не было ничего здорового, скорее, апатичность, отрешенность, уныние, быть может...

– Однако, мистер Кит, – прибавил долговязый, – это символ Даров смерти. Каждый знает, что...

– Вот в этом-то и беда, – перебил Дримера Кит, – что я, я, мистер Дример, не каждый.

Брюнет поднялся со стула, прошёл к окну. Он отодвинул шторы, и через квадратное стекло в комнату брызнул оранжевый свет фонаря.

– Дождь прекратился, – заключил Кит. – И это превосходно. Пойдёмте, мистер Дример, и я докажу вам, что я – не каждый. Что моим словам можно верить, даже, если они противоречат тому, что долгие годы, десятилетия, убежден-

но вторят традиционалисты и не повзрослевшие дети падкие на сказки. Лентяи, не готовые копнуть глубже и всецело убежденные, что можно без потерь связывать судьбу талантливого парнишки с древними тайными знаками в абсолютно неприемлемом свете; без потерь калечить истину – выдавая подделку за оригинал.

Наш мир, мистер Дример, полнится шарлатанами. Они приписывают данности черты, которых у той никогда не было, и нет, что естественно, сейчас. А всё потому, что так, на их взгляд, лучше, комфортнее и как бы так сказать... ровнее.

– Я, мистер Кит, признаться, – пытался парировать долговязый не имевший желаний покидать дом, – не из тех, кто стремится срывать покровы чужих тайн.

– И никто, – тут же ответил Кит, – Думаете, я? Нет. Со всем нет. Я просто предлагаю вам один "эксперимент". Не бойтесь, он не закончится так, как закончился у одного моего "друга".

Мистер Дример вздохнул.

– Это обязательно?

– Это увлекательно, мистер Дример! Я ручаюсь. Да что там, я готов отдать последние пальцы на правой руке. Что скажите?

Дример задумался. Идти он не хотел, это ясно. Но он также понимал, что изувеченный не отцепиться от него. Теперь, точно.

"И зачем я открыл эту чертову дверь", – подумал долго-

вязый искренно пожалев, что у него нет маховика времени, и он не может всё переиграть.

– Ладно. Ваша взяла, – пробубнил Дример. – При одном условии. Я не ищу ни чьей дружбы, тем более в четверг, так что мистер Кит, после этого, как вы выразились, "эксперимента" мы с вами распрощаемся

– Сильны в прорицании, мистер Дример? – едко поинтересовался Кит и тут же поправил себя. – Извините. Колкости лезут из меня как из ежа иголки. Ну, что – идём?

"Нет", – подумал мистер Дример.

– Да, – сказал он вслух.

Событие второе. Последний поцелуй дементора

Мистер Вебстер Шакпи отлично бы подошел любому отделу, но повезло с приобретением незаменимого сотрудника только отделу магического транспорта. Повезло настолько, что Вебстер Шакпи так и не был причислен ни к одному конкретному сектору. Он занимался делами метел, трансгрессии, летучего пороха и порталами, одновременно. Заносчивый рыжий карлик Шакпи никогда не носил шляп, предпочитал френч мантии, узкие фиолетовые штаны, обтягивающие короткие толстые ноги, и туфли на высоком каблуке. Благодаря последним визиты маленького гордеца озаглавливались звонкой трелью кротких шажков.

Шакпи приглянулся министерству – быстро и навсегда.

В силу своей природной недалёковидности и близорукости он брался за все неуютные, мерзкие и пренеприятные дела. Брался высоко вскинув голову, выпячивая грудь и шагая важно, точно сам министр магии.

Неудачные последствия трансгрессии всегда отягощены жуткими картинками изображающими всевозможные комбинации конечностей и внутренностей человеческого организма. Никто из сотрудников не жаждет наблюдать жуткие картины и уж тем более участвовать в сборе нелицеприятных "пазлов". Никто, кроме Шакпи, которого с притворной почётностью отправляют на "особо важное задние".

И вот, он уже на месте. Рыжий карлик протоколирует все сохранившиеся останки волшебника, хладнокровно изучая раскиданные по полу, стенам и потолку внутренности. В воздухе его преследует пергамент с гусиным пером записывая все, что, лишенный фантазии Шакпи, перечисляет менторским голосом. И только две вещи заставляли Вебстера становиться непоследовательным, растерянным и даже застенчивым: вид поломанной метлы и госпожа Банти Хоггарт, с которой, чтобы поздороваться, глядя при этом в её глаза, Шакпи потребовалась бы лестница в четыре ступени не меньше.

Сегодня вечером, он получил новое поручение. Оно было записано на листке пергамента в стандартной для Шакпи форме, которой он повсеместно кичился, не осознавая истинных побуждений для подобной изобразительности. В пергаменте значилось следующее: "Мистеру Вебстеру Шак-

пи, лично. Глава отдела магического транспорта Зеофилус Олсопп.

Четверть часа назад отдел получил конфиденциальный запрос. Авария. Срочно прибыть и составить протокол происшествия. Адрес указан ниже. Подробности не известны, выяснить на месте. Если запрос ложный – найти волшебника, который его подал и взыскать штраф".

"Лично", – с завышенным чувством важности перечитывал Шакпи обращение главы.

***

Банти Хоггарт вошла в туалет, приблизилась к широкому зеркалу, чью отражающую поверхность сама Банти предвосхищала на целую голову – участь всех зеркал вне ее дома – использовала заклинание вестибус. Несколько минут она меняла один наряд за другим. Однако, поскольку остролицая брюнетка Хоггарт предпочитала классические черные мант и широкополые конусные шляпы, сим перемена подвергались, в основном, пуговицы. И тем не менее, в выборе пуговиц, Банти, не было равных. Она с лёгкостью могла определить где, кем и когда была создана та или иная пуговица. И только к ним, в последние годы, черноволосая испытывала хоть какие-то теплые чувства. Волшебники, маглы или магические существа – не вызывали у нее бурных эмоций. Лишь иногда, когда кто-то из коллег мог прийти в отдел невыгла-

женным или, в спешке, не успел привести в порядок свою прическу, Банти, с огромным удовольствием, едко указывала на это.

Закончив с пуговицами, остролицая принялась подыскивать наиболее темный оттенок черного (да-да, именно так) для ее густых волос, с которым она пройдет коридором своего отдела перед тем, как наконец отправится домой.

Ее коллега, Раймонд Мейси видел, что Банти вошла в туалет и стал ожидать ее у дверей. Пока он был этим занят, Мейси, успел испытать на себе несколько глупых шуточек от представителей женского пола его родной комиссии по обезвреживанию опасных существ. Но он продолжал стоять, собрав все свое терпение в кулак.

– Мой дорогой, Мейси, – с неприкрытым отвращением, глядя на коллегу сверху вниз, произнесла Банти покинув клозет. – Ты обезвредил всех мозгошмыгов и пытаешься совладать с угасшим интеллектом?

– Что?

– Какого пикси, ты караулишь у женской уборной? Могу я полюбопытствовать?

– Э-э-э, – ничего не придумав потянул Раймонд.

Он мечтал провалиться сквозь землю. Признаться, Банти, внешне естественно, нравилась ему. Она, внешне, всем нравилась в отделе, не смотря на довольно забавное прозвище закрепившееся за ней во всем министерстве. Но стоило остролицей открыть рот, как тут же хотелось применить непро-

стительное заклятие и спрятать куда подальше ее двухметровый труп. Впрочем, и об этом мероприятии тоже много шутили. Где-же спрятать такую-то, Банти? Она нигде не поместиться.

– Тебя дожидаюсь, – собравшись ответил он. – Зайди к главе комиссии.

Банти прищурилась, а ее ровные тонкие брови превратились в идеальную римскую пять. Она прекрасно знала, что глава ее недолюбливал и сам бы никогда не решился снисходить до визита.

– Ладно. Можешь идти, Мейси.

Его фамилию она выделила с таким количеством токсической субстанции в голосе, что Раймонд услышал нечто вроде: "щенок", "шакал" или "упырь". Вариации, возможны.

От главы комиссии Хоггарт получила распоряжение, ей следовало отправиться на место загадочной аварии, где по словам главы представителю их отдела будет на что посмотреть.

***

С детства, непримечательная сутулая блондинка Зови Элмерз, выросшая в семье бедных чистокровных магов, любила разгадывать загадки. При случае, она с важным видом рассказывала родителям и другим своим родственникам: чем они недавно занимались и где были. Одних это

удивляло, а других...

"Твоё чадо, Морис, – волшебный деклассированный элемент", – сказала её матери дядя Джеб, приехавший, лишь однажды, в их дом на сочельник. Он сделал этот вывод глядя на непослушные, вечно засаленные волосы, грязное лицо, правое плечо выше левого на целый палец, и ношенную, не по размеру одежду, точно дуршлаг усеянную дырками. Зови не знала значения длинных слов, но на всякий случай укусила маминого брата за щеку. Больше дядя Джеб не приезжал.

Впервые, заморыш Элмерз, оказалась в министерстве по делу о библиотечных кражах. В роли преступницы. Когда же ее родителей поставили перед выбором: либо книги возвращаются на полки, либо их стоимость следует оплатить, плюс, естественно, штраф, – они сделали понятный выбор. Тогда маленькая Зови обозлилась и не обладая никакими практическими навыками трансгрессировала из министерства домой. Менее чем через час она снова оказалась в министерстве, но только теперь – под охраной. Поднялся страшный шум. Зови хотели изолировать, но явившийся, как это обычно бывает – точно черт из табакерки – небезызвестный профессор Хогвартса уговорил сотрудников отдать девочку под свою опеку и обещал не допускать подобных выходов, с ее стороны, в будущем.

По прошествии семи лет Зови окончила школу магии и самолично потребовала стажироваться в отделе тайн. Заморыш прошла стажировку на отлично и теперь, занималась

проблемами связи между мирами в Комнате смерти. Больше об этом сказать невозможно: отдел тайн не афиширует свою деятельность. Так-то.

Сегодня, Зови работала как обычно. И к концу рабочего дня, когда она аккуратно укладывала свитки в свой старый потёртый портфель случилось странное.

Нельзя описать ее удивление, когда она получила личный запрос от министра на выезд "в поля". Зови еще ни разу, по служебным делам, не покидала стен родного отдела и не могла себе даже представить, что анонимный вызов может потребовать вмешательство отдела тайн. Это была загадка. А загадки, Зови, любила с детства. Известное дело, она не мешкала.

***

В министерстве магии много бюрократической волокиты и всяких разных странностей, которые сами представили министерства предпочли бы называть магловскими. Однако, жизнь полна сюрпризов и когда недавно прибывший на место происшествия бледнолицый брюнет Аверилл Фейн всю жизнь занимался рутинными вещами: сращивал кости трех потерпевших маглов и тут же подчищал им память, – в Мэрилебон, на перекресток Уимпол-стрит и Нью-Кавендиш-стрит, трансгрессировала троица его соратников. Они приближались к месту аварии Ночного Рыцаря с присущими им, от

природы, разными темпами ходьбы. И если ненавистную им своей заносчивостью Банти Хоггарт из комиссии по обезвреживанию опасных существ и рыжего простофилю Вебстера Шакпи из отдела магического транспорта Аверилл мог ожидать, то он никак не смел предположить появление такой загадочной, и практически мифической персоны, из отдела тайн, как Зови Элмерз.

"Паршивый наряд", – отметил про себя мистер Аверилл бегло изучив старую коричневую мантию Зови. А после, сделав вид человека, которому появление коллег сродни утреннего тумана в Лондоне, принялся за последнего потерпевшего.

– Доброй ночи, мистер Фейн, – донеслось до него слева из-за спины.

– Доброй, – ответил Аверилл не оборачиваясь.

Он узнал приторный и полный неодобрения голос черно-волосой Банти, который буквально разбрызгивал капельки кислоты прожигая его шелковую мантию. Банти Хоггарт была столь высокой, худой и остролицей, что во всем министерстве ее, за глазами, называли Греческим Нимбусом. Олицетворением длинного черенка с черным веником на верху.

– Привет, коллега.

Новый, но хорошо знакомый писклявый голос коротышки Шакпи донесся до него справа. Из-за маленького роста рыжеволосого Вебстера Авериллу, показалось, что тот приветствует его наклонившись и проговаривая слова у самого уха.

– Привет, привет. Какими судьбами? – без интереса спросил Фейн.

– Когда я узнал, – начал тараторить Шакпи, – что тут такое и все сюда, то и я решил – тоже. Мне всегда пора, когда всем пора. А куда все – туда и я. А тут мало ли что, может и мне перепадет.

– Дорогой Вебстер, ты как всегда красноречив, – презрительно начала Банти, когда Аверилл наконец закончил и повернулся к ним спрятав за пояс волшебную палочку. – Даже не знаю, мой малыш, почему тебя так хвалят в твоём ведомстве.

От этих слов Веб зарделся. Всегда точно и ёмко выражавший свои мысли он жутко терялся в присутствии женщины-великана.

– Ай, ладно, – продолжала Банти. – Аверилл, милый, может ты нам все-таки расскажешь: это опять ошибка и мы здесь зря оказались? Или для такого неоднородного собрания есть справедливые причины?

– Они есть, – донесся из-за спины Банти и Вебстера холодный голос Зови Элмерз.

Оба повернулись и проследили за рукой невыразимца.

Метрах в десяти, впереди погнутого бампера трехэтажного фиолетового автобуса, на асфальте лежало бездыханное тело в черной порванной накидке с капюшоном. От автобуса к телу тянулся бурый маслянистый след. По центру этого следа, между потерпевшим и транспортом, лежала ветхая,

сухая рука, испещренная струпиями и рытвинами.

– Неужели это... – ошеломленная увиденным потянула Банти.

– Да-да. – вздыхая подтвердил ее опасения Аверилл. – Это тело – дементора.

– Но разве так, вообще?.. Хоть иногда?.. – словно боясь быть услышанным прошептал Шакпи. – Я, в смысле, что так никогда, ведь так? И даже, если вдруг, то все равно не того... ну, не случилось?

– Мистер Фейн, он что и вправду мертв? – стоя в паре шагов от него, по среди безлюдной улицы (маглы спешно покинули место аварии), все также холодно спросила Зови. Оранжевый свет фонаря падал на ее засаленные светлые волосы, рождая кривую тень, а серебряные радужки глаз невыразимца источали хлад, ничем не уступающий самим дементорам.

Теперь все четверо стояли шеренгой, позади фиолетового автобуса и не могли отвести взгляд от черного тела. Вдруг и сам Аверилл Фейн осознал всю странность случившегося. То есть, мертвый дементор сразу показался ему делом из ряда вон, но видимо тяжелая неделя и сотни глупых, и нелепых вызовов настолько сильно забили его голову, что им не сразу удалось ее покинуть дабы он сумел вычленить событие, пожалуй, вселенского масштаба.

– Мертв, – осторожно подтвердил Аверилл.

– Сбит автобусом? – уточнила Зови.

Теперь Аверилл не был так уверен в том, что следовало

ему отвечать. Он вообще не был ни в чем уверен. Единственное, что, казалось, ему понятным, так это почему – когда он приехал – Стэнли Шанпайк бубня себе под нос: "Это катастрофа. Катастрофа..." – скрылся внутри Ночного Рыцаря и закрыл за собой дверь.

"Это катастрофа, – подумал про себя мистер Фейн. – Я дурак и простофиля. А еще удивился, почему здесь отдел тайн. Я не должен был удивиться даже если бы на этот перекресток перенесли здание министерства магии. Вот идиот. Болван. Простофиля..."

– Мистер Фейн, – обратила на себя внимание Зови Элмерз. – Вы мне ответите?

– Я не знаю, – выдавил из себя Аверилл судорожно сжимая в руке манжету его тёмно-зелёной шелковой мантии. Бледное лицо Фейна, теперь, было просто мертвенным. – Нужно расспросить Шанпайка и Эрни Прэнга.

Наскоро слепленная идея была пусть не прекрасной, зато логичной. И всё же...

– А вы их не допрашивали? – сухо поинтересовалась невыразимец. Нельзя сказать, что в её ровном голосе появилось нечто новое, однако, он несомненно дрогнул на долю секунды. – Вам, что, даже не было любопытно?

Головы Банти и Шакпи проделывали полукруги переводя взгляд от холодного взора госпожи Элмерз к обреченным и разбитым глазам Аверилла Фейна.

– Мне... – неуверенно потянул брюнет и выудив все, что

в нем осталось от храброго джентльмена, коим он привык себя считать, сказал: – Давайте не будем терять времени и все разузнаем у самого мистера Шанпайка.

– Конечно, конечно, – во спасение Авериллу подхватил Шакпи. – Нам срочно нужно, ведь так, госпожа Элмерз?

Женщина в ветхой мантии безразлично кивнула и пошла гала первой.

– Вас уволят, – шепнула Банти склонив голову к мистеру Фейну и едко добивала: – Как горько, правда?

Аверилл, следовавший за госпожой Элмерз, и семенившего справа от нее Шакпи, не без труда смерил взглядом рослую Банти Хоггарт и решил, что не будет ничего противозаконного испытать на ней одно из непростительных заклятий, когда вся эта история наконец завершится. А если она не завершится никогда – тем более. Что ему теперь терять? Дураку, болвану, безумцу...

Приблизившись к двери Ночного Рыцаря Зови аккуратно постучала, но за этим ничего не последовало. Тогда она произнесла взмахнув необычной посеребрённой волшебной палочкой: "Алохомора", – и первой поднялась на первый этаж фиолетового автобуса.

Внутри было не особенно тихо. Один пожилой джентльмен на узкой койке громогласно храпел, а сидящий на соседней Стэнли Шанпайк продолжал бубнить себе под нос: "Это катастрофа".

– Мистер Шанпайк, – негромко произнесла Зови имя кон-

дуктора.

Тот поднял голову и испуганно уставился на нее. Не меньший испуг испытал, и мистер Фейн, правда его страх вызвал сам голос госпожи Элмерз, который, как теперь ему казалось, будет преследовать его в кошмарах.

– Мистер Шанпайк, – повторила представитель отдела тайн, – расскажите нам: что произошло?

Стэнли потер лицо ладонями. Оно, обычно, беззаботное и веселое, – было облеплено признаками тревоги.

– Это катастрофа, – вновь повторил он. – Мы...

– Только ты Стэн, я здесь не причем, – раздался хриплый голос старика Прэнга. – Мое дело крутить баранку. Здравствуй, Банти.

Остролицая коротко кивнула.

– Ладно тебе, – бросил Стэнли и поправил себя: —Я. Да, это я. То есть мне послышалось, что здесь кто-то уронил палочку. Какой-то волшебник. Я, как обычно, принял решение, что мы должны выручить его в беде. Ночной Рыцарь призван выручать волшебников. Это наша главная...

– Он призван... – выпалил Шакпи пытаясь отыскать те самые – нужные слова, которые он не раз слышал от коллег. – Он... вообще, как у маглов! Так не то чтобы, но так нельзя. Это не в какие ставни! Тьху, ворота. Давно нужно запретить этот... этот...

– Мы поняли тебя, дорогой, – ехидно протянула Банти. – Не трудись так сильно причитать. Даже при здешнем пло-

хом освещении я вижу, как твое лицо становится точь-в-точь цвета твоих волос.

– Мне так... – Вебстер вмиг повернулся к госпоже Хоггарт и подбирая рукой рыжие вьющиеся локоны с его глаз тепло залепетал: – Мне так хорошо, правда? Красиво? Да, Банти?

– Ты великолепен, дорогуша, – с отвращением бросила рослая брюнетка и надменно повернула голову в сторону.

– Продолжайте, мистер Шанпайк, – холодно попросила Зови, не обращая внимания на коллег.

Аверилл был ей благодарен. Ему хотелось, как можно быстрее, покончить с этим делом. Узнать историю Стэнли и поскорее закрыться в своем доме; оказаться в кровати, под одеялом, и спрятаться от всего сущего в этом несправедливом к нему мире.

"Нельзя так много работать, – скворчали мысли в его котелке, – Нельзя. Нужен отдых. Нужно хорошенько отдохнуть..."

– В общем, – продолжал Стэнли, – мы поехали. Ехали, ехали, как вдруг – удар.

– Да-да, – вклинился Эрни. – Удар. Чтоб мне всю жизнь слушать вопли мандрагоры. Я никогда, ни в кого, не врезаюсь. Я могу проскользнуть между черточек римской двойки старика Биг Бена. Но здесь... Он сам бросился под колеса. Я в сторону, а он туда же. Я в другую – он, раз, и уже по бамперу распластался. Я по тормозам, а он... Сами видели. Клякса.

– То есть, – теперь на неприступном лице Зови Элмерз проступило неподдельное замешательство, – вы его сбили?

– Сбили, – кивая подтвердил Стэнли Шанпайк.

– Сбили дементора насмерть? – уточнила Зови не то утверждая, не то спрашивая. – Сбили автобусом? Без магии, без иного волшебного вмешательства?

– Я попрошу, – наконец повернувшись строго произнес Эрни глядя на нее через линзы своих огромных очков. – Ночной Рыцарь, чтобы там не говорил уважаемый мистер Шакпи, мем, произведение совсем не магловское. Автобус наш – волшебный. Волшебный, как следует. Я и сам не знал, что мы можем давить дементоров, но теперь вот знаю. А вам, госпожа из тайного отдела, лучше бы поинтересоваться: кто вас всех сюда позвал. Я этого не делал. Стэн – тоже. Тогда кто?

– Точно так, – подтвердил Стэн.

Повисло молчание. И хотя присутствующие ожидали продолжительную паузу госпожа Элмерз прервала ее достаточно скоро.

– Мистер Фен, скажите, – она повернула голову и как бы Авериллу не хотелось избежать ее взгляда он все-таки мужественно принял его. – Вас тоже вызвали по просьбе иностранного волшебника?

– Да, – не особенно твердо согласился Фейн.

– Меня тоже, – подтвердила Банти. – Вроде бы.

– И нас... ой, то есть меня, – смущенный своей ошибкой

Шакпи опустил глаза вниз.

– И этот иностранец вызвал нас всех четверых, – вслух стала размышлять Зови. – Одного из отдела магических происшествий и катастроф, другого...

– Я бы предпочла "другую", – встретив блуждающий взгляд коллеги язвительно заметила Банти.

– Вас, миссис Хоггарт, – задумчиво поправила себя госпожа Элмерз – из комиссии по обезвреживанию опасных существ. Вас, господин Вебстер, из отдела магического транспорта и меня. Есть у кого-то идеи?

Снова повисло молчание. Теперь оно было совсем не коротким. Все присутствующие о чем-то думали. И как это свойственно маглам, так и волшебникам: каждый думал о своем.

Эрни хотел наконец отправиться в путь. Его, как и Стэна, не интересовали столь сложные, и глядя на бездыханное тело дементора – уже решенные вопросы. Шакпи осматривал сам автобус в надежде найти в нем то, к чему завтра утром он непременно сможет придраться, чтобы наконец навсегда прекратить деятельность этой жуткой магловской штуковины. Банти Хоггарт незаметно для всех трижды сменила пуговицы на ее мантии и оставила тот вариант, который, на её взгляд, наиболее подходил для столь нелепого случая. Круглые. Круглые всегда казались ей самыми нелепыми. Мистер Аверилл Фейн думал лишь о том, как он незаметно применяет обливиэйт ко всем присутствующим и купив сливочно-

го пива трансгрессирует домой.

И только Зови Элмерз действительно пыталась понять: что же здесь происходит?

***

– Милой кривой дамочке, – шепнул на ухо Дримера мистер Кит, – истоки магии, как же она хороша! Неважно. Так вот, милой кривой дамочке, никак не может прийти в голову, что все уже произошло. Последний поцелуй дементора был адресован бамперу трехэтажного Ночного Рыцаря.

Мистер Дример, и мистер Кит сидели на ступеньках дома номер 57А, шагах в двадцати от волшебного автобуса. Полулицый брюнет скрыл их присутствие странным заклинанием: *disilluminatio humanos rem*. Оно не слишком напоминало обычные дизиллюминационные чары, поскольку создавало еле различимую сферу в три кубических метра. Все что находилось внутри неё – небезосновательно предполагал Дример – было невидимо и неслышимо для окружающего мира.

– Замечательные господа, неправда ли? – риторически поинтересовался Кит и тут же прибавил задумчиво: – Стоит узнать их ближе...

Дример не понял к чему это было сказано, а потому просто пожал плечами.

Первым покинул место происшествия тот, кто и прибыл сюда первым: брюнет, лет сорока с лишним, в темно-зеле-

ной шелковой мантии. За ним последовал рыжий коротышка, после трансгрессировала сутулая невыразимец.

Банти Хоггарт, её единственную из четвёрки Дример знал лично, все еще оставалась в автобусе. Она сидела на койке и что-то бурно обсуждала с мистером Прэнгом. Охала, ахала, смеялась и приговаривала "да-да-да". Дример помнил, что Эрни был её далеким-предалеким родственником по отцовской линии. Помнил это, и еще много чего другого, как оказалось.

Черты остролицей брюнетки, её грудной голос, одежда (странно, думал долговязый, пуговицы круглые, а ведь Банти никогда круглые не любила), длинный ровный волос, – всё это вынудило память мистера Дримера атаковать его хлесткими шлепками коротких эпизодов из прошлого. Она напроць перепутывала их, перемешивала и скрещивала превращая в экзотический калейдоскоп.

Вот он и Банти сидят в оперном. Банти зеваает, Дример гладит её холодную руку. Банти тут же уводит руку в сторону, шипит на него, а после внезапно целует. Его щеки горят от двойственного возбуждения. А дальше... опера проходит мимо, Дример сидит увязший в попытках разобраться в её отношении к нему.

Другой эпизод. Он приносит ей кофе, но Банти фыркает и не хочет пить. Говорит, что она любит две порции молока, а он снова принес одну.

Следом за этим, они приезжают в дом его родителей (то-

гда еще живых). Мать и Банти страшно ругаются и первая требует, чтобы эта... он не помнил, как точно мать обозвала её – чтобы она больше не смела ступать на порог её дома. Банти швыряет приготовленный мамой пирог в стену и ставит ультиматум: либо он идет с ней, либо между ними все кончено. Дример выбирает её. Отец кричит, что у него больше нет сына.

Мать после тех событий он видел безмолвно лежащую в центре длинного дубового ящика, в окружении не многочисленных родственников. Ему очень сильно хотелось всё переиграть или хотя бы извиниться. Позвонить ей однажды и просто спросить, как её дела, как орхидеи...

Сердце долговязого пронзила тупая боль, дыхание стало жёстче. Дример перевел взгляд с Банти на дементора, и чтобы отвлечься спросил:

– Я мог бы сделать это и раньше, но сделаю сейчас: как? – Кит перевел взгляд на Дримера, тот продолжал, – Дементора убить нельзя, факт. У него нет души, а потому...

– Нельзя, – косвенно согласился с ним Кит перебив не дав возможности высказаться. – Если только ты сам его не создал, верно? Ладно, шучу. Дело в том, что волшебница, сотворившая их в часы жуткого отчаяния, инструкций по использованию придумать не удосужилась. Однако, мой, "особый" взгляд на вещи, помог мне создать их точную копию.

– Создать?

– Вы знаете, что будет, если мучать человека заклятием

Human Cruciatu rem на протяжении, скажем, сотни лет, изо дня в день, не давая ему умереть?

– Нет, – по спине Дримера пробежал одинокий муравей. Только одно слово из трех было ему знакомо. И его было достаточно, чтобы понять, о чем толкует Кит.

– Вот, а я знаю, – продолжал кудрявый брюнет, – Результат перед вами, – Кит указал тонким худым пальцем на черную тень лежащую на асфальте. – Правда, пришлось добавить эту глупую накидку... Ой, мистер Дример. Мне, признаться, стало очень жаль, что я израсходовал на вас этот замечательный экспонат. Вы ведь до сих пор не верите в мой *особый* взгляд на вещи.

– Вы хотели сказать "жутки" или быть может "бессердечный"?

– Что вы? Хотел бы, сказал. К тому же вы глубоко ошибаетесь сердце у меня что надо. Во...

И кудрявый брюнет с треском вытащил бьющееся сердце из своей груди. Кровь брызнула на пол.

От жуткого зрелища Дримера бросило в дрожь. Он закрыл рот руками, задержал дыхание, предвкушая и другие реакции организма, но благо хозяин мигом вернул орган на место. Долговязый резко выдохнул. В ушах гремело, во рту было кисло.

– Ха-ха-ха, – засмеялся Кит. – Я само веселье, правда мистер Дример?

Долговязый кивнул, но скорее машинально. Невидимая

стена безразличия, однажды выстроенная Дримером между окружающей действительностью и ним самим рушилась на глазах. Никто, ровным счетом никто, ни среди живых, ни среди мертвых (призраков, имеется в виду) не мог, до того, проделать в ней даже дырку. Киту, в сущности это тоже, пока не удавалось, но он и не пытался её продырять, кудрявый полулицый брюнет устраивал ей настоящие землетрясения вынуждая каждый камешек натужно хрустеть и трещать.

Дример снял шляпу, с короткими бортами, любимую, кажется, (носил чаще прочих) вытер пот на лбу.

– Я никогда не считал себя слабонервным, – сказал он вслух, – но вам, кажется, удалось то, что не удавалось другим.

– Да? – выражая явно неискреннее восхищение звонко выронил Кит. – Правда? Это мне льстит. Хотя, трюк с сердцем всего лишь иллюзия он многим приходится по душе, не так ли? Ладно, мистер Дример, я полагаю вы готовы перейти к основным блюдам.

Дример нахмурился.

– Вы говорили, – продолжил Кит, – что вам знакома мисс Хоггарт.

– Да, мы однажды были близки...

Дример в упор не помнил, чтобы рассказывал Киту об этом. Думал – да, но вслух не говорил. Определенно. Чертовщина.

– Чудесно. Я предлагаю вам вернуть эту прекрасную жен-

щину.

– Нет. – отрезал Дример.

– Почему?

– Она мне не нужна. Никто, мистер Кит. У меня нет ни друзей, ни врагов. Нет жены, любовницы или даже собаки. И родных уже тоже нет. Когда-то, давно, все это было у меня, и оно... Отношения не мой профиль.

– Как-то это грустно, не находите? – избыточно эмоционально произнес полулицый, – Вы разбили мне сердце. Хотите покажу?

– Нет, нет, нет, – долговязый замахал перед собой руками. – Второго раза не нужно.

– Ха, – Кит едко улыбнулся, – Не будет никакого "второго раза". Не бывает никаких "повторов". Я о Банти, если вы не поняли.

Жизнь, мистер Дример, штука, движущаяся. Вы можете думать, что всё про неё знаете, но самом деле она уже ускользнула от вас. Вы идете по её следам. Всегда, непрерывно, каждый миг. Вам знакомы её следы? Да, пускай. Я в это поверю. Но не нужно утверждать, что вы знаете её лично. Нет, мистер Дример, её никто не знает. Разве только я, но это наша маленькая тайна, которую... Я бы мог вам приоткрыть, если вы отбросите в сторону ваш скептицизм.

– Чего ради? – холодно бросил долговязый. – Банти Хоггарт?

– Той её формы, – объяснял полулицый, – того её содер-

жания, что вернет вам прежний огонь. Он всё еще есть в ваших волосах, но его нет в вашем сердце. Печально, но факт.

Кит помолчал.

– Да, её, Банти, и не только, – продолжил, – если вы позволите мне немного направить вас. Расшевелить, показать, скажем так, изнанку действительности. Что скажете?

– Спасибо, мистер Кит, но нет. Я...

Не было грома и молнии. Не было никаких предпосылок, однако, Лаладж Кит выхватил свою палочку и громко проорчал: *Human Cruciatu Rem!*

Дример не успел контратаковать, он вообще не ожидал нападения. Долговязый упал на асфальт, скрутился и застонал. Он корчился так, словно внутри у него было логово змей. Голодных, злых, неугомонных.

– Еще скажите мне спасибо, мистер Дример, – непривычно спокойным голосом говорил Кит, – Ей богу, мистер Дример. *Illuminatio humanos rem. Human Cruciatu Rem!*

Сфера исчезла. Прекратившаяся на мгновенье боль – вернулась.

Говорить "спасибо" долговязому Дримеру не хотелось. Он вообще мало что понимал кроме боли: сильной, стойкой, повсеместной. Ему казалось, будто бы каждый нерв его тела обнажили и стали резать тонким лезвием. Словно все его нутро превратилось в зловонный гнилой зуб, а Кит... Кит был бесчувственным стоматологом, ковыряющим и сверлящим его без анестезии.

– Это жизнь, мистер Дриммер, – откуда-то издали прилетел к долговязому возбуждённый голос. Как быстро он менял интонации... – Жизнь, а не её следы на песке. А теперь...

– Экспеллиармус!

Взмах волшебной палочки, свист, хлопок. И снова также.

– Экспеллиармус!

Обезоруживающее заклинание выкрикнула никто иная, как Банти Хоггарт. Она сделала это дважды, однако, больше напоминая кость палочка так никуда и не делась из рук незнакомца.

– Мисс Банти!?! – выкрикнул полулицый. – Желаете дуэль? Прекрасно. Защищайтесь!

Событие третье. Озорной дуэлянт

На перекрестке заиграла музыка. Банти не помнила название композиции, однако она была убеждена, что это Чайковский. Впрочем, времени на то, чтобы покопаться в памяти полулицый незнакомец ей не давал. Подражая дирижёру симфонического оркестра действуя в такт возникшей музыки волшебник, пытавший Дриммера, отбивал её атаки странной палочкой, больше походившей на лучевую или локтевую кость подростка.

Одет он был в зеленую с красным клетчатую рубашку, черный жилет, застегнутый на три разные пуговицы: круглая, треугольная и прямая, – джинсы, и зеленые ботинки с

красными шнурками. Его кудрявый темный волос спадал на плечи и был гуще с правой стороны.

Дример лежал на земле, в нескольких шагах от нападавшего. Он скрутился калачиком, и на него, решила Банти, можно не рассчитывать.

"Как всегда", – подумала про себя остролицая. Хоть и отметила, в тот же миг, что смотреть на него ей немного больно.

"Bulla os rem!" – быстро прокричал клетчатый.

Банти отмахнулась от пунцового облака, однако одна тонкая струйка пара все же проскользнула в её нос.

Стало сладко, будто рот наполнился розовым вареньем. Потом кисло, слово желудочный сок пустился наружу. Язык Банти сделал круг по ротовой полости и он, то и дело натыкался на странные, незнакомые предметы. Маленькие, точно икринки мойвы. Они были повсюду, и они увеличивались.

"Reduc...", – попыталась выкрикнуть остролицая, но не смогла. Тощая ниточка красной молнии вылетела из её палочки ужалив незнакомца в плечо не сильнее пчелы.

Икринки выросли, превратились в шлифованные предметы размером в пол дюйма. Щеки Банти вздулись, она открыла рот и на асфальт посыпались испачканные слюнной пуговицы.

– Вы знаете, – процедил кудрявый брюнет, – что вы филобутонист, мисс Хоггарт? Нет? Навязчивые идеи, разнообразные, модно говоря, хобби могут быть очень, очень опасны...

Остролицая хотела прыснуть ему что-то в ответ, однако она непроизвольно сглотнула, и квадратная пластиковая фурнитура застряла в её горле.

Банти выронила палочку, согнулась, живот спазматически задергался, на худой длинной шее задрожали, вздувшись, зеленые змейки вен. Не смотря на это из её рта продолжали сыпаться пуговицы, а ненавистная теперь мелодия не прекращала играть проливаясь, словно бы, со всех сторон.

Полулицый выровнялся, стал по струнке. Он взмахнул костью-палочкой, обрисовав на дирижёрский манер один такт в четыре четверти, а в следующий миг в него врезался Ночной Рыцарь, отбросив волшебника в окно первого этажа дома номер 57А.

Мистер Кит летел восклицая: "Юху-у-у..." – тем самым отчетливо намекая, что он никакой не дементор.

***

Эрни Прэнг выскочил из транспорта, подбежал к Банти, и что было сил ударил её рукой по спине. Квадратный кусочек пластика вылетел из её рта, девушка закашлялась.

Дример, всё еще дергающийся, но уже пришедший в себя, медленно доковылял к Эрни и Банти. Он обнял долговязую, под стать ему, мисс Хоггарт, хрипя спросил:

– Ты как?

Банти посмотрела на него, глаза её слезились. Она пока

еще не могла говорить, а потому только кивнула, говоря, как бы "жива".

– Кто это был? – спросил выбежавший наружу Стэнли.

– Не знаю, – бросил Эрни, поправив очки с огромными линзами, – Но за родственников я могу и убить.

– Не думаю, что он умер, – донесся слабый голос Дримера. – Он... Что-то другое.

– Что-то? – не понял Стэнли.

Дример коротко кивнул. Будучи от мира магии ему самому не слишком то нравилась формулировка. Впрочем, может именно его миру она была впору.

– Тебе помочь? – спросил он согнувшуюся вдвое Банти.

– Не надо, – прошипела остролицая, и выровнялась.

Одной рукой она держалась за горло, другая, с выставленной наготове палочкой, была направлена в сторону разбитого окна дома номер 57А.

Через десять секунд четверо волшебников, включая рыжего Деклана Дримера стояли шеренгой выставив палочки перед собой и ожидая ответного выпада со стороны незнакомца.

– Так кто он такой? – не унимался Стэнли.

– Он назвал себя... – начал Дример, но договорить он не успел.

"Petrificus totalus rem!"

Дример, Банти, Стэнли и Эрни Прэнг дружно вздрогнули, выровнялись, точно в их тела по вбивали колья и приня-

лись падать кто вперед, кто назад, будто четыре кегли, сбитые сильным сквозняком.

Полулицый вылетел из окна, его ноги заменял красный бархатный дым. Оказавшись в шаге от лежащих на земле волшебников мистер Кит материализовал ноги, его зеленые ботинки с красными шнурками были в дюйме от черных волос Банти. Он стоял точно на её остроконечной шляпе.

– Поклонники не могли выдержать обаяния их кумира и были сражены им наповал! – воскликнул кудрявый брюнет и сам себе захлопал в ладоши. Прекратив паясничать, Кит наклонился к Банти, приблизился ртом к её левому уху и тихо шепнул в него:

– А теперь займемся десертом. Во всякой трапезе, десерт – кульминация. Оргазм. Неправда ли, мисс филобутонист? Черт, какое, все-таки, неудобоваримое, хоть и оправданно длинное слово. Правда, мисс Хоггарт?

Банти всё слышала, но она едва ли сумела шевельнуть крайней фалангой указательного пальца правой руки. Это было большее, на что она сейчас была способна.

Мистер Кит это заметил. Улыбнулся.

– Чудесно! – воскликнул он поднявшись, – Это так мило, мисс Нимбус, мисс Греция, что вы пытаетесь бороться. Но это бессмысленно. Поверьте, особенно теперь. *Humani Imperio rem!*

В темной голове Банти не было ни одной лишней мысли. К её глазам приклеилось только одно выражение: лишенное

всякой глубины слабоумие. Девушка встала, и следуя указанию шурящего уцелевший глаз Кита пошла в сторону дома номер 57А.

Мистер Дример слышал приказ, отданный Банти. Он не имел права допустить его исполнения. Однако, тело не слушалось.

Чувство было такое, будто разум подвесили в дюйме над землей полностью очистив его от брэнной оболочки. Смотри, но не трогай, так-то.

– О, мистер Дример, – наклонившись к долговязому, и глядя точно в его замершие глаза обратился Кит, – Еще один ночной рыцарь? Давайте, боритесь. Там, – Кит указал в сторону Банти, уже успевшей забраться в темное помещение через выбитое окно, – дама в беде. Принцесса, заключенная в тело жабы. Её может спасти только поцелуй, мистер Дример. Только...

Рука Кита, державшая палочку-кость, резко ушла в сторону. Он отразила летевший в полулицо зеленого луч.

– Дела, мистер Дример, простите, – процедил Кит и исчез из его поля зрения.

Одна за одной полились разноцветные вспышки, точно на Уимпол-стрит взрывали фейерверки. Дример слышал и обычные заклинания, их говорила какая-то девушка, он слышал и трехсловные веселые выкрики Кита на латыни.

"Finite incantatem. Finite incantatem", – мысленно вторил Дример отменяющее заклинание, однако оно не действова-

ло.

Вспышки продолжались. Дример не знал, кто эта некто, однако, она, явно, была очень сильным волшебником. А еще тем, кто не боится использовать непростительные заклятья.

"Finite incantatem. Finite incantatem...", – продолжал повторять рыжий, как вдруг он увидел темный силуэт Банти на крыше. Девушка ступила на край, расставила руки в стороны...

"Finite incantatem. Finite incantatem... Finite incantatem... Rem!"

Дример вскочил ровно в тот момент, когда Банти летела к земле. Не говоря ничего он трансгрессировал, поймал летящее, словно манекен, тело девушки, рванул серым облаком вправо и выбив окно третьего этажа ввалился в просторное помещение.

Дример лежал на спине, Банти была сверху. Волосы растрепаны, на щеке ссадина. Вокруг валялось стекло, осколки белой оконной рамы, перед его лицом, забираясь в нос и приоткрытый рот, кружилась пыль цвета терракота.

Дример прокашлялся, выбрался из-под Банти, подошёл к дыре и опершись о подоконник выглянул на улицу. "Фейерверки" прекратились. Эрни и Стэн сидели на асфальте, прижавшись спинами к трехэтажному автобусу. Перед ними стояла кривая светловолосая девушка в дырявой, ветхой мантии, и о чем-то их расспрашивала. Эрни и Стэн качали головами.

Полулицога нигде не было.

Сам не ведая почему, Дример поднял голову, посмотрел на звезды. Не редко, в Лондоне, их не видно: слишком много света сочится из него. Однако, сегодня, мистер Дример, видел звезды. Причем, все они были расположены совсем не так, как обычно. Звезды напоминали человеческие следы. Будто огромный великан прошелся по чёрному небесному пляжу.

– Это жизнь, – проговорил Дример, обернувшись и посмотрев на сидящую на полу Банти, чьи испачканные руки упирались в замусоренный теперь ковер – а не её следы на песке.

– Что? – не поняла девушка.

Дример подошел к ней, сел рядом, посмотрел в серые глаза.

– Я могу тебя обнять? – спросил долговязый.

Банти молча кивнула.

Её растрёпанный волос лез ему в глаза, её маленькая острая грудь упиралась в его ребра. Дример не знал, что ему делать дальше, он не был уверен, что Кит исчез навсегда. Но сейчас, ему хотелось, как можно дольше пробыть в этом моменте. Тяжело дыша, немного вздрагивая, и чувствуя запах дурманящего иланг-иланга, такого не свойственного стервозной и едкой Банти.

Они вернули комнате привычный вид. Они стерли память всем в округе. Министерские забрали тело дементора, до-

просили участников столкновения. Они не задавали вопросов только сутулой кривой блондинке в дырявой мантии. Дример догадался, что это она, в скором времени, будет расспрашивать свидетелей. И его. Конечно же его тоже. Хочешь, не хочешь.

– До встречи, Банти, – сказал Дример остролицей, когда та заходила в автобус.

– Угу, – промычала Банти, так и не поблагодарив его за спасение, но и не забрасывая колкостями, точно мишень для игры в дартс, как это обычно бывало раньше. Расстроился он или обрадовался? Мистер Дример не понял. Он просто сделал то, что когда-то давно сделать не сумел. Когда-то давно, он сбежал от Пожирателей смерти позволив схватить её. Тогда, это стало концом их отношений. Сейчас... он не знал, что будет дальше. Может это начало, думал он, может этот сумасшедший Кит и правда творит благие дела?..

– Я хочу знать все, – без прелюдий холодно протянула невыразимец, назвавшись Зови Элмерз. – Все, мистер Дример. Каждую деталь, каждое его слово.

– Хорошо, – Дример кивнул и, видимо, от свалившейся на него участливости спросил: – Вы расскажете мне, как сумели его победить?

Зови отвернулась, посмотрела на небо.

– Вы тоже это видите, мистер Дример?

– Да, – ответил долговязый изучая созвездия в виде следов.

– Это обнадеживает, – толи себе, толи ему сказала Зови. – Нет, мистер Дример. Я его не победила. Он трансгрессировал, в тот момент, когда вернее всего мог превратить меня горстку пепла. И я хочу знать, почему. Почему, я не могла его обезоружить. Почему он мог убить нас всех, но выбрал только мисс Банти. Я хочу знать всё, мистер Дример. Абсолютно всё.

– Помогу, чем смогу, – согласился рыжий.

– Хорошо. – Зови опустила голову, вытащила палочку и через секунду перекресток Уимпол-стрит и Нью-Кавендиш-стрит, стал таким, как и прежде: магловским, тихим, уютным и безлюдным.

Событие четвертое. Осколки и пазлы

– Ирония в том, – процедил полулицый, – что мальчик, который выжил, в итоге умер. Таков мир, мистер Шакпи, он всегда совсем не то, что мы про него думаем.

Холодный ветер кусал за пухлые щеки, раскачивал Вебстера, будто тот рыжеверхий флюгер на шесте, а может – как мокрую простынь на тонкой верёвке. Мистер Шакпи держался короткими пальцами-сосисками за древко метлы – его гладкий край – и не мог смотреть вверх слыша, как хрустит дерево под его весом.

Еще минуту назад он беззаботно летел укрывшись чарами

невидимости. Мистер Шакпи любил вечерние прогулки над Лондоном и когда дело с дементором было перенесено на завтра (завтра, так завтра), педантичный коротышка решил немного полетать. Развеяться.

Он сам не понял какой-токой силой его потащило на мост, и как так вышло, что вот он весит на своей метле, и страшится увидеть, как его тело переломит ту надвое.

Кит держал метлу с другой стороны, где была щетина, её же центр опирался на перила моста. Как есть весы, только жуткие, с точки зрения министерского.

Мистер Шакпи прогнал все мысли из головы, это он умел, на отлично, представил свой дом, свел в едино все крупницы самообладания и... Ничего. Трансгрессия не удалась. Впервые. Впервые за двадцать с лишним лет, с того самого дня, как он сделал это – и более ни разу у него не было ни осечек, ни, не дай Бог, "расщепя".

Попытки Шапки трансгрессировать Кит заметил, пронзительно засмеялся.

– Ну, подымите же голову, дорогой Вебстер. – сказал он после, в голосе были умоляющие нотки. – Мы знакомы, вы, не поверите. Виделись однажды, лет... лет десять тому назад. По делу, об угнанных метлах, в городке Дувр. Я тогда...

Метла с треском обломилась. Шакпи взвыл, не столько пугаясь падения, хотя это тоже, сколько боясь увидеть воочию кусок дерева летящий с ним рядом. Коротышку закрутило в воздухе и он, наконец, сумел телепортироваться.

Вебстера швырнуло прямым в сервант. Загремела разбиваясь посуда, зазвенели ложки, вилки. С самого его верха слетела старая фарфоровая фаза, покойной матери, и ударила по рыжей голове.

Из глаз у Шакпи, буквально, полетели искры.

Одна из них упала на ковер.

Пока коротышка приходил в себя, тонкая струйка дыма, превратилась в змейку, ковер вспыхнул зелено-оранжевым светом. Шакпи притронулся к поясу, к тонкому кожаному тубусу – там он хранил палочку – но тот оказался пуст. Тогда Вебстер взмахнул рукою, будто бы там, что-то есть и мигом угомонил и пламя, и едкий дым.

Короткими шажками Вебстер проследовал на кухню, сел, встал, налил из кофейника чашку кофе, вновь сел.

Сделав несколько глотков, рыжий призвал самописец и задокументировал все, что с ним происходило, начиная с момента вызова на место аварии. После, приказал тому воспроизвести записанный тест.

Ему всегда было легче думать, когда он как бы не был участником происшествий, а смотрел на них со стороны. К сожалению, от всех этих танцев с бубном мистер Шакпи умнее и сообразительнее не становился, и выводы не прилетали в его рыжую голову. Впрочем, одно он понял наверняка. Нужно пересмотреть вызов в Дувр. А ещё...

Вебстер вернулся в комнату. У подножия серванта лежал осколок его любимой метлы. Слезы накатились на выпуклые

глаза Шакпи. Он долго не решался подойти, но все-таки собрал все самообладание, взял осколок и похоронил тот у себя в палисаднике. Так закончился этот ужасный, как считал Шакпи, день. Четверг. Что может быть хуже?

***

Обстановка в кабинете невыразимца Зови Элмерз соответствовала её внешности: грязно, неопрятно и ветхо. Кривой, сутулый шкаф, запыленный, в бессчётных царапинах на лакированной поверхности. Портрет на стене, явно портрет, поскольку полотно висело вертикально; однако, "обитателя" там не было и в центре горного пейзажа зияло пустое пространство. Рамку, когда-то красивую, сейчас "украшала" россыпь щербинок, резной узор имел сколы и трещины. На дубовом столе, в центре небольшой комнаты, громоздились свитки и книги, его затертая столешница была покрыта толстым слоем пыли и жирными пятнами, а также круглыми следами от широких кружек.

Дример рассказал Зови всё, за исключением того, что он, министерский служащий, безразлично смотрел на предшествующие аварии события, как и, впрочем, на неё саму. Дример солгал, сказав, что, как только он и Кит прибыли на место полулицый, тут же, атаковал его. Скрытый куполом заклипания разговор, Дример частично перенес в комнату и постарался, как можно точнее, запомнить ту ложь, что он

выдумал на ходу.

Зови, повторно, допытывать его не стала, она лишь произнесла в слух свои умозаключения:

– Значит, – холодно начала невыразимец, – мы знаем вот что. Некий полулицый волшебник, по имени Лаладж Кит, попадает к вам в дом, и на свой лад трактует символ Даров смерти. После, под предлогом показать нечто необычное приводит вас на место абсурдной аварии, – хотелось бы знать, как ему стало о ней известно, – рыбы глаза Зови не выражали ничего, в принципе, но Дример ощущал в их выражении недоверие, – и там пытается вас используя непростительное заклятие круцио, дополненное двумя словами. В последствии, все его заклинания имеют такую же форму и оканчиваются словом "Rem". Так?

Дример кивнул.

– Вы свободны, – холодно сообщила Зови. – Если у меня возникнут новые вопросы, я вас найду.

Её голос звучал столь твёрдо и убедительно, что мистер Дример не сомневался: найдёт.

Долговязый встал, пожелал невыразимцу хорошего вечера и вышел из комнаты.

Как только дверь закрылась, на его месте возник старый, шуплый домашний эльф, а в картине, из-за гор, на передний план вышла девушка инуитской внешности, в толстой меховой шубе.

– Что скажите? – спросила у пришельцев Зови откинув-

шись на спинку стула. Тот высоко закрипел.

– Гномз, не скажет, – голос эльфа напоминал хруст сухих веток под тяжелым сапогом. – Гномз, ждет прямого вопроса, хозяйка.

– Тухлая рыба, – процедила на это инуитка. – Ты воняешь, Гномз. Старая тухлая рыба.

– Довольно, Нагуя – холодно приказала Зови. – Хорошо. Гномз, как ты считаешь, этот рыжий волшебник врёт?

Эльф несколько раз громко причмокнул водян языком по беззубому рту, ответил:

– Да. Гномз, думает, рыжий не сказал всей правды.

– Это всё? – поинтересовалась невыразимец.

Эльф кивнул.

– Тухлая рыба, – недовольно прошипела инуитка. – Два слова не вытащишь.

– Нагуя! – рявкнула Зови. – Тебе есть что сказать?

– Есть, – пробубнила сытого вида эскимоска натягивая плотнее блестящую черную шубу, – Я слышала о трехсловных заклинаниях. Слышала, много-много раз. Мой апаа* ["дедушка"] однажды говорил, что...

– Много-много раз... – перебил её эльф, – однажды... Ту-пица, ускоглазая.

– Ах, так?! Да, если бы я могла вылезти из этой...

– Тише! – Зови ударила рукой по столу. На этот раз левой. Правая болела после прошлой перепалки эльфа и инуитки.

– Да, простите, ивакак* ["ищущая"] Зови, он первый на-

чал.

Зови смотрела раздраженно. Эти двое умели вывести её из себя. Инуитка продолжила:

– Апая говорили мне, что тремя словами заклинания говорит только Анылги Нанук* ["большой белый медведь"]. Он великий паналык* ["волшебник"] среди юхак* ["человек"] бескрайней зимы. Но теперь, его слышит только океан. Его тело отдали скользкому копы, а его дух срывает лепестки со всех костров, зажжённых в пигнарток* ["снежный покров"].

Зови нахмурилась вспоминая, как переводятся слова сказанные Нагуйей.

– Гномз, думает, ускоглазая раньше была лучше, – тихо бормотал себе под нос эльф в наступившей паузе, – Раньше, она молчала, слушала и уважала Гномза. А теперь тряпку, в которой чукча живет, Гномз мечтает сжечь.

– Я уйду, – вскинув подбородок сообщила девушка и ушла. В центре полотна снова зияло пустое пространство.

– Ну, почему? – вздохнув риторически начала невыразитель. – Почему одни вопросы всегда рожают другие?

Гномз пожал плечами.

– Гномз, может еще, кое что, сказать, хозяйка?

– Говори.

– Гномз, думает, этот её Нанук – эльф.

– Почему? – густые светлые брови Элмерз сдвинулись в

сторону основания носа.

– Гномз, думает, у домашних эльфов есть тайны от волшебников. Гномз, уверен, —это одна из них.

– Что это значит?

Эльф покачал лопухой головой.

– Гномз может намекнуть, но он не может рассказать. Гномз уже намекнул, и хозяйка знает, где теперь искать. Гномз намного умнее тупицы Нагуи. А теперь, Гномз хочет приготовить хозяйке ужин. Хозяйка все время забывает поесть. Она так скоро умрет, а Гномз не хочет новую хозяйку. Гномз не любит убирать. Это скучно.

И щелкнув пальцами эльф исчез.

Невыразимец запрокинула голову назад, закрыла глаза и как умела быстро перебрала все имеющиеся у неё факты. Через минуту глаза её открылись, и она тихо произнесла:

– Нужно поговорить с этим Нануком. – невыразимец встала, ножки стула зашаркали по полу, сам о скрипел, будто умирал. – Срочно.

Событие пятое. Эльфийские тайны

Невыразимец замахнулась и что было сил швырнула палочку в арочное пространство. Когда она выбрасывала правую руку вперед её кривой позвоночник хрустел.

– Я не приму испорченную палочку, – запричитал тот, кого Зови знала, как Поводырь. Его голос сочился с той сторо-

ны черной рваной вуали и был, очевидно, недовольным.

Прошло три года с тех пор, как едва различимы свит, стал шелестом, тот шепотом, а тот – голосом. Дух из мира мертвых не помнил своего имени, но предложил Зови свою помощь, если, вдруг, ей понадобится поговорить с кем-то из его "окружения". Сказав это, Зови хорошо помнила тот день, дух засмеялся и попросил называть его Поводырем. В уплату, он потребовал отдавать ему волшебные палочки. Поскольку он не был прихотлив, то можно и палочки умерших волшебников.

– Что значит испорченную? – не поняла Зови.

– Министерство испортило много палочек своим заклинанием слежения, – объяснял дух, – Эти палочки ЗДЕСЬ больше не пахнут. Они не свободны, их воля в кандалах. А я люблю, чтобы палочки пахли. За десять веков эта любовь не пертерпела изменений, чего увы я не могу сказать о себе. Я за последние десять непростительно изменился.

Зови нахмурилась.

Это случилось три месяца назад. Было большое собрание министерских глав, на которое толи по ошибке, толи по нелепому стечению обстоятельств (этого добра в министерстве было хоть лопатой загребай) попала и Зови. Новый секретарь министра Чип Эгансвил рассказывал о своем хитроумном и злодейском (так считала Зови) плане. Правда, сам секретарь, называл его современным и практичным. Он предлагал, под видом поиска идеальной палочки – те еще были критерии

– зачаровать каждую британскую палочку его новым заклинанием слежения. В последствии создать отдел, который будет выявлять использование непростительных заклинаний, только делать это осторожно.

На вопрос Зови, будет ли сам мистер Эгансвил подвергать свою палочку подобному заклинанию лысый кряжистый джентльмен заявил: безусловно.

В итоге уже через месяц вся Англия успела попытать счастья в так званом "конкурсе" и оказалась под колпаком мистера Чипа. Отдел тайн, благо, это чипование – как назвала его Зови – миновало. Наверное, в Британии были волшебники, которые тоже не приняли участия в мероприятии, однако, Элмерз была убеждена, что мистер Энагсвил найдет способ прикоснуться своими мозолистыми, бес разбери почему, руками и их. Как-то, но придумает. Мало ли поводов отобрать, на время, у волшебника палочку.

– Что-то ты разоткровенничался, Поводырь, – заключила невыразимец. – Значит раньше, ты был другим?

– Не совсем. Я и прежде ценил в волшебниках тоже, что ценю в тебе.

– Да? И что же это? – на холодном лице Зови вспыхнул еле различимый огонек любопытства.

– Амбиции, Элмерз, решительность, чистую кровь и прекрасную память.

На последних словах дух сделал акцент.

– Я поняла, – Зови машинально кивнула. – Я сейчас при-

несу тебе другую палочку. Кстати, Поводырь, а ты видел когда-нибудь палочку сделанную из кости человека... Под-ростка.

– Нет, – помолчав ответил дух. – Даже самые гнусные маги не делали такого оружия.

– Оружия?

– Не прикидывайся, Элмерз. Если заклинание эспелли-армус обезоруживает, то логично предположить, что палочка...

– Да, я поняла. Поразительно, и это ведь лежит на поверхности.

– Эти самые поверхности, Элмерз, очень разные. Птицы смотрят на них с высоты, рыбы видят то, что не могут увидеть птицы, а водомерки путешествуют не понимая мира ни первых, ни вторых.

Я жду. Не задерживайся.

Зови повернулся и уже на ходу бросила:

– Ты ограничен во времени? Не говори глупостей.

– Я ограничен в терпении, нахалка. – весело ответил дух, – У тебя пол часа.

Голос Нанука был странным, впрочем, этого следовало ждать от инуита. Благо он хотя бы знал английский. Зови, конечно, нахваталась от Нагуи словечек, но их явно было бы недостаточно для полноценной беседы.

– Приветствую, Анылги Нанук, – начала кривая замурышка, – Я Зови Элмерз, невыразимец Отдела тайн Мини-

стерства магии. Я хочу задать тебе несколько вопросов.

Тишина была не долгой.

– Знаю тебя я, Зови, – донеслось из-за вуали. – Чего ты хочешь, говори.

– Вчера вечером мне встретился полулицый волшебник назвавшийся Лаладжем Китом. У него была палочка в виде человеческой кости, и он произносил заклинания говоря три слова и всегда заканчивая словом "Rem". Можешь ли ты, Анылги Нанук, рассказать мне о том, кто этот человек?

Голос захрипел. Голос зашелестел. Из арки слышались звуки вьюги, метели, светящего ветра.

– Человек, Зови Элмерз, – сказал голос откуда-то издалека. – Людям тайны эльфов говорить запрещено нам. Докажешь ты если, что к эльфам добра, расскажу я тогда тебе всё.

Мисс Элмерз нахмурилась.

"Опять эльфийские тайны. Но ведь полулицый не эльф. Что за, бесовщина?"

– Хорошо, – сказала вслух. – Как я могу доказать, что я добра к эльфам?

– Эльф, только доказать это может, Зови Элмерз. Эльф только, не ты.

Зови не успела даже подумать о возможных вариантах, как внезапно появившийся Гномз уже стоял возле неё и причмокивая всматривался в рваную черную вуаль.

– Этот Гномз, – представился эльф голосу в арке, – Гномз – эльф.

– Скажет Гномз Нануку слова добрые о юхак Элмерз? – спросил дух.

Гномз помолчал. Его молчание было столь продолжительным, что даже заставило Зови несколько усомниться в своём, как ей казалось, хорошем отношении к такому случайному "приобретению", как старый домашний эльф.

– Гномз ничем тебе не обязан, Нанук, – ответил помолчав эльф. – Но Гномз обязан госпоже Элмерз. Гномз скажет, что она лучше его прежних хозяев. Она не любит убирать и Гномз тоже не любит убирать. Гномз считает...

– Хозяев? – перебил эльфа дух. – Не служат эльфы паналык, как Нанук служит наогос* ["магия"]. Такого быть не может.

Гномз причмокнул, ответил:

– Расскажи ей, что она просит. Гномз считает, что Зови друг эльфам.

Дух помолчал. Из арки продолжал доноситься шум метели.

– Наогос перед тем как явить, в мыслях эльф три слова говорит. "Rem" он прибавляет в конце, наогос чтобы сбылось. Не поверят тебе, расскажешь если ты это – ни паналык, ни Нанука братья. Эльф твой Лаладж, слово мое таково. А что палочку носит, его это дело.

Метель прекратилась, в Комнате смерти стало тихо, как и прежде. Но ненадолго.

– Не верю я этому Нануку, – раздался голос Поводыря. –

Он даже не знает, что эльфы уже лет триста, как находятся в добровольном рабстве. Да и в мои времена не припомню чтобы ушастые колдовали вслух. Да, Гномз?

Однако, Гномз уже исчез.

– Все больше тайн в Отделе тайн, – тихо заключила невыразимец, чем насмешила духа.

– Каламбуришь, Элмерз? – отсмеявшись сказал Поводырь и прибавил: – А я ведь говорил тебе, что поверхности разные. Ты считаешь себя рыбой, но деле ты, пока, водомерка.

– А тебе самому, – рассержено спрашивала невыразимец, – Не любопытно, кто этот Кит?

– Любопытно, – ерничал дух. – Любопытно-любопытно. Но я не беспокоюсь за это. Когда ты станешь рыбой, Элмерз, я первый об этом узнаю.

Сутулая скривила грязное лицо в недовольном выражении, сложила руки на груди.

– Чего ты так решил?

– Брось, Элмерз. У тебя нет друзей кроме меня. Я ведь потому и здесь. Хоть и не по своей воле.

– Да?

– Да, Элмерз. – голос духа утратил насмешливый тон, – Поводырей тоже ведут. Жаль только, что порой за нос. До встречи, Элмерз. Буду нужен, ты знаешь мою цену.

Рваная черная вуаль в центре арки всколыхнулась и тут же успокоилась. Когда за ней не было духов она казалась Зови совсем мертвой, пустой и плоской.

"Эльф, который выглядит, как изувеченный человек... – думала невыразимец шагая в свой кабинет, – Кто еще? Нарглы? Мозгошмыги? Черт..."

Событие шестое. Современный волшебник

В большом и просторном зале суда их было пятеро: Хоггарт, Шакпи, Элмерз, Фейн и мистер Чип Эгансвил, секретарь министра магии.

Кряжистый безволосый волшебник, предпочитавший желтое и зеленое в одежде, пригласил их всех не сообщив причины, а потому только, безразличная в последние годы, ко всему мирскому, Зови была спокойна, как камень. Вебстер покусывал пухлую нижнюю губу, Банти крутила пуговицы на её черном платье (сегодня это были шестигранники), Фейн же мысленно перебирал возможные, после увольнения, занятия и всякое из них вызывало у него несварение. Аверилл стоял борясь с желанием кишечника громко объявить ворчливую ноту протеста.

– Не нужно беспокоится, – неубедительным скользким голосом пропел секретарь. Этот самый голос был, словно, не его, а позаимствованный у худого юноши, падкого на низкопоклонничество, – Крохотная неприятность вынудила меня вас всех здесь собрать.

"Да... – мысленно потянул Фейн, – крохотная, как гнев гиппогрифа".

– Дело в том, – продолжал мистер Эгансвил, – что вы четверо прибыли на место сюрреального ДТП хотя – секретарь выдержал паузу осмотрев каждого из вызванных им волшебников, – вас туда никто не вызывал.

– Что за чушь? – раздраженно высказалась невыразимец.

– Меня, – Банти приложила ладонь к груди, но договорить она не успела.

– Вас, – перебил её секретарь, – уважаемая мисс Хоггарт действительно вызывали. Вы здесь просто потому, что и вы тоже были там. Но вот вы трое, – толстый палец очертил треть круга указывая поочередно на Шакпи, Фейна и Элмерз, – каким образом узнали об аварии?

– Письмо! – выкрикнул рыжий коротышка Шакпи, – Я получил письмо от моего начальника, мистера Олсоппа. Оно в моём кабинете. В шкафчике с письмами, на самом верху стопки. Оно...

Секретарь жестом приказал Вебстеру умолкнуть. Тот подчинился.

Зови не стала дожидаться предложения отчитаться.

– Я получила конверт от министра. Но, я так понимаю, что вышла ошибка. Что ж, это меня не удивляет.

– Какой грубый подход, – с неестественной неприязнью сказал секретарь. Неестественность просто-таки сочилась из него отовсюду. – Какие приторные предубеждения, мисс Элмерз? Вы говорите так, словно порядок в нашем учреждении – это пустышка. Миф. Фу. Дунь и нет его.

– Я сказала, господин секретарь, то, что я сказала. Остальное – ваши примитивные фантазии, – холодно отрезала невыразимец.

От её слов у Фейна вспотели ступни, а у Шакпи чуть не потекла слюна из открытого рта.

Широкие ноздри кряжистого дернулись. Глаза его сузились, но дуэль он решил не продолжать. Всё-таки невыразимцы в министерстве на особом счету. Вместо же этого, безволосый посмотрел на Аверилла. Брюнету от взгляда секретаря захотелось скоропостижно повеситься или трансгрессировать на дно океана. Не важно, да хоть в земную мантию, только бы не стоять здесь.

– А вас кто позвал?

– Сюда? – робко поинтересовался мистер Фейн.

– Туда! – завизжал секретарь и указ вправо.

– Туда... – повторил Фейн изучая ряды скамеек. – Пришёл конверт. От вас, сер.

– Меня? – кряжистый нахмурился.

Фейн кивнул.

– Вот как... – секретарь заложил руки за спину, стал ходить перед четверкой взад-вперёд.

– Я еще нужна? – спросила мисс Элмерз глядя, точно сквозь него. – У меня есть дела поважнее.

Секретарь стоически выслушал её вопрос и дополнение к нему. Он остановился, посмотрел на Шакпи. Коротышку взгляд кряжистого прямо-таки парализовал, как мартышку

взгляд удава.

– Скажите, Вебстер, что вы, вчера вечером, надиктовывали самопищущему перу?

– Как вы...

– Вы все под колпаком, – промозглым голосом шепнула Зови.

– Что? – повторил секретарь скривившись. Слова Зови он прокомментировал бегло и негромко. Сказал: – Как грубо, Элмерз. Колпак. Не лучше ли сказать "отеческая рука"?

Зови усмехнулась.

Мистер Шакпи замялся. Стоящая слева от него Банти не давала ему покоя не меньше, чем вопросы кряжистого.

Вебстер вздохнул, ответил:

– Летал на метле... и... и... упал на мост. Там был... какой-то волшебник. Он меня... держал. Я не разобрал его лица... но... думаю, что оно было странным. Ему... чего-то не хватало. А потом метла... – Вебстер втянул голову, закусил пухлую нижнюю губу. – И я трансгрессировал домой. Вот. Всё.

– Ну, мистер Шакпи, – секретарь попытался соорудить на лице сочувственное выражение, – я тоже люблю иногда полетать над городами маглов. И мне, правда, жаль вашу Прыть-ХХ. У вас ведь эта модель была?

Вебстер кивнул. Он сдерживался, что бы не разревется, как девчонка. Перед его глазами не исчезал вид горбатой могилки, где он зарыл щетинистую половину.

– Я обещаю, – дружески, заверил секретарь, – что от имени министерства вам подарят такую же памятью ваше спортивное прошлое. И не только, чего скрывать. Вы прекрасный служащий, самоотверженный и внимательный. Кстати, а как назвал себя этот волшебник со странным лицом?

Голос секретарь вновь обрел аспидов оттенок.

Шакпи качнул головой, к жесту прибавил:

– Он не представился.

– Жаль, – секретарь вновь начал расхаживать взад-вперёд, – Очень жаль...

Остановился. Глубоко вздохнул, посмотрел на настенные часы, сказал устало:

– Хорошо. Вы, пока, все свободны.

***

В кривом теле замухрышки таилась огромная сила. Зови прижала Вебстера к стене, проследила чтобы в коридоре у входа в зал суда никого не было, и прошипела:

– У волшебника отсутствовала правая половина лица?

Шакпи широко раскрыл глаза выказывая тем непонимание.

– Не прикидывайся Вебстер. Ты понимаешь, о чем я.

– Я... не видел, – мямлил Шакпи. – Правда.

– Что он тебе говорил?

Шакпи сглотнул слюну. Громко. Ответил:

– Он упоминал Дувр. Я был там прошлой зимой. Один свободный эльф, по имени Берни, похитил метлы местной уважаемой семьи волшебников. Ривз, их фамилия Ривз. Я поймал его и... О, боже.

– Что?

– Я вспомнил, мисс Элмерз. Вспомнил.

– Что ты вспомнил? Говори!

Шакпи почувствовал, как в животе потеплело. Так всегда случалось, когда он ощущал, что действует верно.

– Один полулицый волшебник, назвавшийся мистером Китом, убедил меня не приводить Берни в министерство. Он пообещал, что сам им займется, и что если Ривзы подадут жалобу, то он, лично, даст мне сто галеонов. Мне, госпожа Элмерз, было, честно говоря, безразлично, что там обещал этот Кит, но я видел, что Берни раскаивается. Что... Ну... Он просто хотел полетать. Как волшебники. И... Я его понимаю. Вот. Обычно, я не так. Поверьте. Но тут... Короче, никто не жаловался.

– Кит больше ничего не говорил? – холодно поинтересовалась невыразимец.

Шакпи покачал головой.

Цепкие тонкие пальцы отпустили его плечо. Отголоски их хватки Вебстер все еще ощущал.

– Зачем вам этот Кит?

– Он напал на Банти, напал на Дримера из отдела слежения, он как-то причастен к убитому дементору, – отвечала

Зови хотя Шакпи казалось, что сутулая просто размышляет вслух, – И к эльфам. К ним, определённо. Хорошо. Боясь нам ничего не остается, как только ждать его следующего шага. И тогда...

Она уже шла в направлении лифта и её последних слов Шакпи не расслышал.

– Я тоже буду ждать, – сказал коротышка. Просто так. Просто потому, что напрашивалась его реплика.

Событие седьмое. Жертвы обстоятельств

"В этом году, – читал Вебстер в Ежедневном пророке, – Британский матч по квиддичу будет самым зрелищным и опасным из всех. Секретарь министра магии, уважаемый мистер Чип Эгансвил, объявил новый тип игры, она называется "Жизнь против Смерти". Для этого матча, в близи школы чародейства и волшебства Хогвартс, будет оборудован специальный стадион. В матче будут участвовать две команды. Команда Жизнь оседлает гиппогрифов, специально обученных лесничими Британии, вторая команда, команда Смерть – оседлает фестралов, так же обученных и подготовленных. Очевидно, что участники второй команды – это волшебники, чья судьба столкнула их с жизненными трудностями. Мистер Эгансвил утверждает, что беспрецедентный матч будет олицетворять Новое, нынешнее время, где жестокое противоборство имеет место, лишь в заданных для этого условиях.

Больше нет войн, нет открытых конфликтов между светлыми и темными волшебниками. Однако, кровь в жилах магов кипит, как и прежде, и им нужно место, где они могут проявить свои навыки и таланты. Сделать это без вреда окружающим".

Вебстер отложил газету в сторону, помолчал, водя пальцами-сосисками по морщинистому лбу и обронил:

– Безумие. Что он себе возомнил, этот... этот...

Вебстер знал, как обозвать мистера Эгансвила, но он боялся сделать это вслух. Мало ли, ведь в последнее время уже никто не мог с уверенностью сказать, что не только заклинания отслеживает новый отдел секретаря. Может быть, он отслеживает и высказывания министерских служащих. Все может быть, думал Шакпи. Теперь все может быть.

***

Мистер Фейн, покончив с чтением пророка, взял маленькую кофейную чашку и громко-громко хлебая потянул горячий напиток. Ему нравилось так делать дома, одному, незаметно для других нарушать правила приличия.

Из прочтенного он сделал два вывода: на турнир его, определённо, направят, на всякий случай, и второе – мистер Эгансвил избыточно предприимчив. Аверилл не понимал, такого яркого стремления напицкать заголовки газет своим именем. То он делает конкурсы, то создает новые отделы, то

этот чертов матч.

"Что ему так неймётся? – думал Фейн. – Ты секретарь, у тебя есть работа, деньги, положение. У тебя явно имеется и власть, и средства, и хороший дом. Есть женщины, поклонники и завистники. Зачем? Зачем, после выигранного матча гнаться за снитчем? Куда пойдут эти сто пятьдесят очков?"

Аверилл поставил чашку на газету, точно на оживленно жестикулирующего секретаря, и повернул голову к высокому узкому окну. Он посмотрел на пасмурное небо. Оно всегда напоминало Фейну старую половую тряпку, которую выкручивал невидимый титан и с которой, в результате, льётся на землю грязная, усеянная черными пылинками вода. Образ устоявшийся, но не сегодня. Сегодня...

"Что ему так неймётся? – вновь подумал Фейн. – Ведь должны быть причины. Ну, вот я. Я, представим, секретарь, или не дай пикси министр. Всё работает, все работают. Самолётики летают, порох взрывается, гоблины жадные, всё, как всегда. А может... Он ведь полукровка. Да, точно! Наверное, это магловская кровь. Это она кипит в секретаре и вынуждает его заниматься такими пошлыми вещами как модернизация и прогресс. Всем эти жутким, и очень магловским".

Фейн поднял чашку. Испачканный секретарь продолжал размахивать руками, только теперь мокрыми и грязными. Он разбрызгивал капли на стоящих перед ним слушателей и абсолютно точно походил на титана дождя. Ему, однако, не

хватало тряпки.

"Этот всех отмоеет, – сказал вслух Аверилл. – Этот точно".

***

За последние два месяца Банти просто-таки возненавидела свою работу. Комиссию по обезвреживанию магических существ она выбрала, ведь здесь, обычно, редко что-то случалось. Это тебе не отдел правопорядка, который вынужден ежеминутно бороться с нежеланием волшебников и их безалаберных отпрысков соблюдать эти самые порядки. Здесь, неприятности стоило ждать только в полнолуния, и то не всегда, а также, весной, в основном в начале апреля, когда у драконов и прочих магических существ начинался брачный сезон. Но будущий турнир Жизни и Смерти, прозванный Банти "холуйским выпедрежем", требовал постоянного присутствия комиссии, поскольку и гиппогрифы, и фестралы относились к категории ХХХ и ХХХХ, что делало их не самыми, однако, весьма опасными магическими существами.

Происшествий за период тренировок было около шести. Однако, дней проведённых Банти на улице, в сырую, мерзкую погоду насчитывалось в десять раз больше. Это делало, мисс Хоггарт, в миллион, в триллиард раз язвительнее, злее и стервознее.

– Что?! – прорычала она ощутив на плече чью-то руку.

Поворачиваться Банти не стала, она была выше этого. Хотя нахальной руке, а особенно её владельцу, следовало быть более осмотрительным.

– Привет, – поздоровался долговязый Дример поравнявшись с ней.

– А, это ты... – протянула Банти сморкнув острым носом.

Они не виделись с того самого дня, как он её спас. И теперь им обоим было неловко. Ей, потому что слабак и мямля Дример, не такой уж слабак и мямля. А ему... Едва ли Дримеру хватило бы все имевшихся у него пальцев, чтобы назвать причины.

– Чего приехал?

Дример окинул взором стадион, решётки перед зрительскими трибунами, магический купол наверху. Он уже успел все это осмотреть до, но теперь нужно было с чего-то начинать. Так что долговязый показательно закрутил головой, путешествуя безразличным взглядом по сторонам.

– Тебе здесь не нравится?

Банти усмехнулась, вновь сморкнув носом.

– Мягко говоря. Я мечтаю испепелить это место.

– Охотно верю, – согласился долговязый. – Кстати, именно это, отчасти, и стало причиной моего визита к тебе.

Банти повернула голову, вопрошающе посмотрела на него. Лицо её было бледным, уставшим и злым. Длинный черный волос, обычно ровный и чистый был засаленным, его пряди крутились, будто орда болотных пиявок. Пуговицы...

Пуговицы сегодня приняли форму наконечника стрелы. Самую воинственную и решительную.

– Я подумал, – объяснялся Дример, – что лучше я приеду к тебе, а не кто-то из наших. Банти, ты использовала заклинание круцио, непροстителное, как ты знаешь, заклинание целых семь раз, за последний месяц.

– Следишь за мной? – безразлично прыснула остролицая.

– За всеми, Банти. Мы за всеми следим. Я тебе это говорил. Сказал, секретные сведения, чтобы уберечь тебя. Чтобы ты не наделала глупостей. А ты?

– Что я? – возмутилась брюнетка. – Что? Это я, а не ты, Деклан, торчу здесь денно и ночью разглядывая чертов стадион. Это в мои кости проникла сырость и холод, будто я половица древнего замка. Это я не пользуюсь косметическими чарами, ведь через десять минут от них ничего не останется. Единственное мое развлечение – пытаться проклятых пикси, что водятся в местном лесу. И ни ты, ни министерский подхалим, ни сам министр магии, чтоб он разорвался от диареи, мне этого не запретят.

– Боже, Банти, – на лице рыже возникло ошеломлённое вопиющей нелепостью выражение, – ты что ребенок? Маленькая девочка, которой не купили сову?

– Да! – рявкнула Банти. – Я девочка, которой не купили сову. А ты, Дример, болван, которому не купили мозгов. Убирайся, прочь! Пока я тебя не стала пытаться.

Банти показательно топнула ногой, грязь под подошвой

зачавкала, остролицая резким движением сложила длинные руки на худой груди.

Лил дождь, стучал по карнизам. Его капли проникали через магический купол, образовывали на газоне игрового поля лужи. Команда Жизнь, тренировалась на дальнем конце поля, команда Смерть, на ближнем. Игроки в защитном снаряжении летали на чёрных крылатых, костлявых лошадях и только теперь Дример понял, что смерть дементора бесповоротно изменила его жизнь. Лаладж Кит, её изменил, если быть совершенно точным.

– Прости, Банти, – извинился Дример, хотя и не считал, что он хоть в чем-то не прав. – Я тебя предупредил. И прошу, пока прошу, прекрати изливать свой гнев на других. Мне всегда нравилось, что ты честная и храбрая. Храбрее и честнее меня, это точно. И мне будет очень обидно, если близкую мне волшебницу упекут в Азкабан за такую нелепость. Пока, Банти. И до встречи. Я очень надеюсь, что ей предшествуют другие, приятные обстоятельства.

– Угу, – промычала остролицая, сморкая носом. Она от чего плакала. Сама не зная, почему. И ей, в миллион раз сильнее, чем прежде, хотелось поймать проклятого пикси, наложить на него заклятие и слушать, как тот пронзительно пищит, брыкаясь, извиваясь и трепеща крылышками. Смотреть, как ему плохо, намного хуже, чем ей и... нет, не радоваться, но знать, что в мире есть справедливость...

– А не только её следы на песке, – донесся до Банти зна-

комый до дрожи голос. – Вы ведь об этом думали, мисс Хоггарт. Правда?

***

– Без обид, – шепнул ей на ухо полулицый Лаладж Кит. – Вы думаете, что вы заложница, но на самом деле – вы рычаг в очень примитивном механизме. Не беспокойтесь, мисс Хоггарт. Всё будет хорошо. Я верю в это. Вот и вы не грызите веревку, а верьте. Это намного приятнее.

Банти гневно прорычала, попыталась вырваться, но у неё ничего не получалось. Гнев быстро сменила беспомощность. Та страшная и всепроникающая, что уже два месяца её пребывания на стадионе душила бедную Банти изнутри.

Мисс Хоггарт не знала куда трансгрессировал их Кит, но это явно был дом, старый и заброшенный. С прохудившейся крышей и таким же полом. С потрескавшейся мебелью воняющей древностью и старческим горьким потом. Картин, в просторной комнате, точно пещере, продуваемой тысячами сквозняков, было около дюжины. Каждое полотно, по центру, косой линией рассекал порез. Наверное, раньше, они были живыми, но не теперь. Теперь они были следами чей-то забытой варварской ярости.

С потолка капало, капали и слезы скатываясь по щекам Банти. Ей было до осатанения обидно, что она вот уже второй раз за день рыдает, но остроликая ничего не могла с этим

поделать. Её эмоции были ей не подвластны.

От чего-то, совсем не ясного чего-то, ей захотелось, чтобы её вновь спас Дример, но теперь не бросал, а забрал с собой. В свою теплую квартиру с удобным диваном и горячим чаем. Чтобы сделал это немедленно, прямо сейчас и ни минутой позже, иначе она... она...

Банти захрипела сильнее прежнего.

– Удивительная порода, эти женщины, – стоя за её спиной рассуждал Кит. – Злая, беспринципная и в то же время манящая, как вспышка молнии. Хорошо, мисс Хогарт, я потороплю ваших рыцарей. Все-таки не гоже даме ждать слишком долго. Она и умереть может, ведь так?

Кит захохотал, но его смех мигом схлопнулся и Банти осталась одна.

Свистел ветер, шумели волны вдалеке, стучали капли об пол. Колючая верёвка, будто бы всё сильнее сдавливали худую грудь.

Банти ждала, ей ничего не оставалось.

Событие восьмое. Шестое сентября

Зови стояла у огромного черного полотна, не меньше пятнадцати футов высотой. В этом полотне жил министерский архивариус. Ему были известны все имена всех магов за все времена. Только сегодня, спустя два месяца ей удалось получить разрешение на визит к нему. Однако, и этого было

мало. Архивариус не являлся всем подряд, и очень сильно любил загадки. Ходили слухи, что раньше (когда-то давно) на полотне изображался сфинкс, однако, кто-то закрасил его черной магической краской.

– Алохомора, – тихо произнесла Зови взмахнув волшебной палочкой.

Черной поверхностью картины прошла чуть видимая рябь.

– Какой главный цвет войны? – вопрошал густой низкий голос. Он будто бы был повсюду.

Зови, нахмурилась, поразмыслила несколько секунд, ответила:

– Желтый.

– Не дурно... – затянул голос. – Очень недурно, невыразимец Зови Элмерз. Мне приятно, что ты не сошла до банальности и не заменила манящее всех золото, следствием этой мании. Что ты хочешь от меня?

– Кто такой Лаладж Кит? – не раздумывая спросила блондинка.

Она знала, что времени у неё мало. Очень мало.

– Хм... – архивариус задумался. – Такого волшебника никогда не было и нет сейчас. Таково моё слово.

– А эльф, – затараторила Элмерз. – Есть такой эльф?

– Хм... – полотно продолжало вздрагивать, когда голос проливался из него. – Нет такого эльфа и не было никогда. Таково моё слово.

– Но он есть! – вспыхнула Зови. – Лаладж Кит, есть, кто бы он ни был! Ты врешь!

Два месяца ожидания и нулевой результат в конце. Невыразимец была разочарована и полна пламенного гнева.

– Много общего у имени и того, что красит войны в желтый цвет, – проговорило полотно, – Таково моё последнее тебе слово. Прощай, невыразимец Зови Элмерз.

– Нет! – закричала Зови и бросилась к полотну, – Простите...

Неведомая магия отшвырнула её назад, Зови упала на спину и ехала по полу до тех пор, пока не оказалась за порогом широкой залы и двустворчатые двери с грохотом не затворились в ладони от её затертых туфель.

– Черт, – пробубнила Элмерз, успокоившись и поднявшись на ноги. – Что-то я погорячилась... Черт. Черт.

Продолжая чертыхаться невыразимец, шаркая, побрела в свой кабинет.

***

– Зачем нам столько магического, тайного, невероятного, если в этом нет никакого смысла? – негодовала Зови войдя к себе и усевшись в кресло.

– Гномз не плохо готовит, – появившись заметил эльф.

– Я не о тебе, – вздохнув сказал Зови.

– Надеюсь, и не про меня, ивакак Зови, – сказала появив-

шись Нагуя.

– И не про тебя, – подтвердила невыразимец.

Гномз на миг исчез, появился протянув Зови выпуск Ежедневного пророка.

– Гномз думает, хозяйке стоит прочитать о турнире.

– Я не люблю квиддич, – отрезала блондинка.

Но эльф стоял на своём.

– Гномз любит квиддичу, – его рука все еще держала газету, – Гномз помнит, что хозяйка хорошо относится к Гномзу.

– Шантаж? – принимая свежий норм пророка спросила Зови.

Гномз кивнул не меня спокойного выражения. Его откровенность во всем бесконечно подкупала невыразимца. И хотя она очень любила тайны, ей вовсе не хотелось, чтобы её близкие имели их от неё.

– Вот бы и мне... – протянула Нагуя задумчиво вглядываясь в развернутые типографские листы.

– Гиппогрифы... Фестралы..., – бубнила Зови читая. – С ума они там по сходили что ли?

Дочитав Зови скомкала газету швырнула ту в сторону и взмахнув палочкой сожгла на лету.

– Мистер Эгансвил, совсем сбрендил – откинувшись на спинку кресла и сложив руки на груди прорычала Элмерз.

– Гномз поедет на турнир? – поинтересовался эльф.

– Поедет, – прикрыв глаза согласилась невыразимец. – И Гномз, и Зови. Оба они поедут. Поскольку... Мистер Кит,

скорее всего, тоже туда поедет.

– Да? – удивилась Нагуя.

Зови кивнула.

– Предчувствие, у меня, Нагуя. Пред...

Зови вскочила с кресла, схватила Гномза за маленькую холодную тощую руку, и они оба схлопнулись исчезнув из кабинета.

– Тухлая рыба... – сама себе заунывно пропела Нагуя и повернувшись пошагала в сторону заснеженный гор.

***

Утро было пасмурным и мрачным. Оно точно соответствовало настроению Вебстера.

Встав с кровати коротышка сделал шаг и тут же споткнулся о табурет. Он выругался, побрел, шаркая, к окну, но шторы и так были раздвинуты. Несмотря на то, что часы показывали десять утра нигде, совершенно нигде не было светло. За окном стоял густой серый туман, в комнате – сумерки. Вебстер зажег торшер на худой ножке, заставил светиться и палочку.

Шестое сентября, вот уже тринадцать лет был для Шакпи угрюмым, тяжелым, траурным днем. Тринадцать раз он просыпался, завтракал в столовой, разглядывая старую живую фотографию в золотой рамке, потом выходил во двор, в палисадник, и долго-долго стоял ссутулившись, глядя на

каменный горбик окруженный чёрно-желтыми примулами. Их, больше других, любила его сестра Аманда.

Манди. Высокая, остролицая, с длинным прямым волосом. Она была копией их бабушки по отцовской линии. Второй – высокой и черноволосой, за четыре ближайшие поколения, по обе стороны фамильного древа Шакпи.

С раннего детства Веб и Манди всюду таскались вместе. Погодки, неразлейвода, сорванцы. Оба не блистали большим умом, однако отличались усердием, от чего и попали в Хаффлафф.

На третьем курсе записались в факультетскую команду по квиддичу, ведь обожали тот с пеленок.

Манди стала капитаном, Веб – ловцом. Отличительными чертами их метел были выцарапанные на них символы молний. Они являлись копиями шрама великого мистера Поттера, копиями символа победы во второй магической войне.

Их дуэт, после первого выиграша в Чемпионате мира по квиддичу, прозвали дуэтом Рыжего Феникса (Вебстер, вправду, чуть было не погибал, но вновь возвращался на поле) и Барсука. А команда и кубок, принесли не столь заметному, и никогда не стремящемуся к славе факультету всемирную известность.

Команда Шакпи лидировала в турнирной таблице и последующего чемпионата, однако в финал они не вышли.

Шестого сентября бладжер разбивает метлу Манди, когда та находится над воротами. Сестра Шакпи падает вниз, уда-

рятся лицом о кольцо, выбивает два зуба, давится ими, как бы грубо это не звучало, и ей не успевают помочь. Нелепость, случайность... но дочь ночи Мойра доплела свою нить.

– Ты всегда их любила, сестренка, – говорил Вебстер глядя на чёрно-желтые примулы, – Говорила, что они наш цветок, цветок факультета, цветок наших побед. Я постою здесь, у могилки твоей метлы, а потом пойдут к тебе. Ты теперь в склепе, рядом с папой и мамой. Тебе там хорошо, я позаботился, чтобы вам всем там было хорошо. Я раньше не был таким заботливым и, думаю, это я зря. Надо было. Много чего надо было.

Шакпи сморкнул носом, потер пальцами слезящиеся глаза.

– Сегодня опять туман, – продолжал, – Как тогда, как тринадцать лет назад. Но сегодня теплее. Каждый год немного теплее. Я слышал это всё из-за противных маглов и их безжизненных механизмов. – Веб вздохнул. – Мне очень тебя не хватает, Манди. Тебя, мамы и папы. Я остался один. Но я стараюсь. В министерстве меня хвалят, дают много работы. Говорят, я болван, но я молодец. Видишь, сестренка, я так и не научился понимать, что говорят другие. А, – Вебстер повернул голову смерив взглядом подошедшего с права волшебника, – это вы мистер Кит. Вас ищут, вы знаете?

Шакпи сморкнул носом, смахнул слезинку со щеки. Наверное, будь это другой день коротышка опешил бы, замаялся, или наоборот, вытворил нечто глупое и поиграл бы в

храбреца размахивая палочкой. Но это в другой день.

– Знаю, – ответил полулицый. – Мои соболезнования, уважаемый мистер Шакпи.

– Спасибо, мистер Кит. И, если вы не против, я бы хотел побыть один.

Кит помолчал. Стал говорить так, будто разговор продолжался уже целую вечность:

– Есть вещи, уважаемый Вебстер, которые мы изменить не в силах. Я: прикидываюсь коммивояжёром, обманываю говоря о своем прошлом. Вот это – Кит показал свою палочку-кость, помолчал. После продолжил. Тихо, не паясничая, не играя: – Вы же – не можете вернуть сестру. И все-таки, Вебстер, одну вещь вы изменить можете.

– Какую, мистер Кит? – безразлично спросил Шакпи, сморкнув носом.

– Себя. – сказав это полулицый помолчал. – Вы можете стать тем, кем вы были и хотите быть, вот уже тринадцать лет. Я прочел их все – перед Китом и Вебстером стали кружить сотни газетных вырезок. Их содержание было прекрасно знакомо мистеру Шакпи. – И думаю, что я сделал правильный вывод.

– Уйдите мистер Кит. Пожалуйста.

– Хорошо, – не раздумывая согласился полулицый, – Я иду. Но пообещайте мне, ради Манди, что бросите свое имя в кубок. В этом чемпионате не будет метел, но вы, я уверен, справитесь и без них.

– Команды укомплектованы, мистер Кит. Хотя мне это и безразлично, но я, всё же, немного в курсе дел.

– А вы бросьте. Бросьте. Кубок огня не совершенен. Не был раньше и вряд ли Чипу Эгансвилу удалось поделиться с ним своим собственным "совершенством". Не знаю, может быть его кто-то испортил, а может... Может ему лучше знать достойны вы или нет. Жив ли еще Рыжий Феникс Шакпи или он погиб убитый исполнительным малодушным министерским служакой. Бросьте, Шакпи. И вы сами это узнаете.

Коротышка поднял голову, посмотрел внимательно в уцелевший левый глаз Кита. Тот был странного зелёного цвета, срывающегося в бирюзу.

– Прощайте Вебстер, – Кит щелкнул пальцами и газетные вырезки превратились в лепестки чёрно-желтых примул. – Надеюсь, навсегда.

Событие девятое. Реликвии и собачья работа

– Дример, на пару слов.

Сказав это его коллега, белобрысый мистер Вейд, схватил долговязого под руку и потащил за собой. Они проделали десять шагов, и оказались за одной из квадратных колонн министерского коридора.

– Хватит, – Дример выдернул руку. – Что ещё, Вейд? Я же, кажется, говорил тебе, что не собираюсь участвовать ни в каких фронтах и прочих антиминистерских движениях. Я

тоже не в восторге от деятельности нашего шефа, но идти против – считаю самоубийством.

– Я не об этом, – хмуро пробубнил коллега. – Твой Греческий Нимбус исчез сразу же после вашей встречи.

– Что значит исчез? – не понял Дример.

– А у этого термина есть другое значение? – ехидничал Вейд. – Исчезла, твоя Банти. Была её палочка в омуте слежки, а потом раз – Вейд щёлкнул пальцами, – и исчезла.

Дример помолчал.

– Ты следишь за нами?

Вопрос Дримера Вейда не смутил. Тот показательно скривился:

– Делать мне больше нечего.

Дример не поверил ему, но решил не углубляться. Какая разница, в сущности, подумал. Их отдел на то и нужен, чтобы следить.

– Омут сбоят, – процитировал долговязый секретаря, – в местах большой магической активности. На соревнования притащили старый кубок. Я думаю, в нем, все дело.

– Как знаешь, – фыркнул Вейд, – Я ему, как другу, решил помочь. А он – носом крутит.

– Какому ещё другу? – Дример нахмурился. – Я не учувствую в ваших тайных сговорах, не пью с тобой пиво после работы... Я даже не знаю: есть у тебя кто-то или нет. Не придумывай Вейд. Какая ещё дружба?

Белобрысый смерил Дримера взглядом. Смотрел зло.

– Пошел ты, Деклан, – сказал наконец. – С тобой никто не общается и теперь я понимаю почему. Пока.

И белобрысый быстро пошагал прочь.

Дример провожал его взглядом и думал, что может быть тот прав. Вечное недовольство, постоянная критика в адрес окружающих – не самый верный способ заводить дружбу. И все же...

Банги действительно не было. Дример еще раз просмотрел, через омут на его столе, территорию нового стадиона и ничего. Четырнадцать участников, сорок волшебников, направленных заниматься ремонтом и трое местных учеников: подглядывают, – резюмировал Дример.

"Если бы мои слова были верны, – подумал долговязый, – исчез бы ещё хоть кто-то".

– Черт, – выругался он вслух и набрав полную грудь – так меньше тошнило от частой трансгрессии – схлопнулся, раз-метав пергаменты и газеты со своего стола.

***

Шакпи стоял замороженно глядя на деревянную чашу из которой вместо хрупких клубов белого пара вырывались языки синего пламени. Соглядатай кубка, волшебник еще меньшего роста, чем сам Вебстер, чуть похрапывая дремал, лежа на приставленных вместе двух раскладных стульях. Прибытие Вебстера, шумное в общем-то, никак его не по-

тревожило.

Шакпи вытащил палочку, взмахнул ей в направлении со-
глядатая.

Стулья разошлись в стороны, волшебник упал на деревян-
ный пол.

Упал. Вскочил. Выхватил палочку. Тут же ее лишился.

– Осторожнее, коллега, – холодно сказал ему Шакпи пря-
ча свою, дважды примененную, палочку в футляр.

После, Вебстер пошёл в направлении выбитого им ору-
жия, поднял то, подошел к карлику, протянул.

– Я, Вебстер Шакпи, из отдела магического транспорта.

Карлика смерил Шакпи сонным, слегка испуганным
взглядом, выхватив палочку, недовольно фыркнул.

– Здесь транспорт не в вашей юрисдикции. Чего вам? –
спросил не ответив на приветствие и не назвавшись.

Шакпи вновь повернулся лицом к кубку. Языки синего
племени подымались над чашей на целый фут, дребезжали,
гипнотизировали.

– Что нужно сделать, чтобы принять участие в турнире?

Он сумел. Вебстер репетировал эту фразу вот уже два ча-
са. Он повторял её не веря в то, что все-таки сумеет её про-
изнести. Но... Кит был прав. Нельзя, навсегда, зарыть голо-
ву в песок. Феникс сгорает и тут же воскресает в огне. Три-
надцать лет, прошло. Шакпи, действительно, пора было вос-
креснуть.

– Вам, ничего. – недовольно бросил карлик подымая сту-

ля и вновь сдвигая те. – Участники давно выбраны.

– Что нужно сделать? – разбивая слова на слоги раздраженно повторил Вебстер.

Соглядатай лег, скрутился калачиком. Закрыв глаза, полежал немного с закрытыми, после открыл, обнаружил Вебстера, вновь фыркнул.

– Вы, правда, хотите попробовать?

Шакпи кивнул.

– Кубок больно наказывает наглецов.

– Переживу.

– Я предупредил, – карлик сморкнул (ах, эта осень), стал объяснять: – Напишите имя на кусочке пергамента, подойдите, бросьте тот в огонь. Потом дожидайтесь, когда вас отшвырнет во-о-он в ту стену.

Карлик указал рукой позади себя. Вебстер посмотрел в указанном направлении.

В выкрашенной в синий фанерной стене зияло кривое отверстие.

– Я пробовал, – проямлил соглядатай и причмокнув притворился, что заснул.

Мистер Шакпи вытащил пергамент, написал на нем своё имя, подошел к чаше. Ему пришлось подняться на цыпочки, чтобы дотянуться до её обода. Синий огонь коснулся его руки, вызвал приятную щекотку. Нет, он не был горячим. Он, скорее, казался плюшевым.

Один глаз соглядатай открылся. Карлик внимательно на-

блюдал за происходящим, подленько смакую в фантазии будущую развязку. Однако, ничего, совершенно ничего не произошло.

Вебстер и сам постоял щуря глаза и ожидая удара, но когда того не случилось он лишь бросил напоследок, перед трансгрессией:

– Так тому и быть.

***

– Мисс Хоггарт здесь? Где она? – спросила Зови разбудив соглядатая, спящего на приставленных вместе раскладных стульях.

– А? – не понял тот протирая глаза.

– Банти Хоггарт, где она? – повторила невыразимец.

Карлик сел, свесив ноги, его лицо пыталось вспомнить как выдавать понятные другим эмоции.

– Скорее! – гневно прошипела Зови. С этим делом её, обычно, спрятанные глубоко-подальше чувства, теперь лезли наружу к месту, и не к месту.

– Хоггарт... – мычал карлик, – Такая высокая, с длинным...

– Да! – рывкнула Зови.

– Не знаю. Была. Где-то на стадионе. А вы уже в курсе?

– Что?

– У нас новый участник команды Смерти. Восьмой. Как

вам? Опять эта хреновина, – карлик ткнул в сторону кубка, – Жаждет крови. А я ведь говорил, что идея дурацкая. Давайте ещё маховики времени... Ей, мисс! Ей!

Но кривая блондинка уже достаточно далеко ушла от него.

Зови вновь вышла на трибуны. Она достала палочку, взмахнула мысленно говоря: гоменум ревелио. Но палочка, как и окружение молчали. Тогда отчаявшаяся Зови выкрикнула: акцию Хоггарт! Но опять её ждал провал. Впрочем, Банти только на словах была объектом предметного, не живого мира. Будь она взаправду Греческим Нимбусом заклинание, по идеи, действительно возымело бы положительный эффект.

– Гномз! – громко позвала Зови.

Однако, эльфа звать было не нужно. Он уже стоял справа от неё.

– Гномз слушает хозяйка.

Зови глубоко вдохнула, медленно выпустила воздух. Успокоилась.

– Поищи, пожалуйста, мисс Хоггарт. Распорядитель послал меня к соглядатаю кубка, а тот болван ни черта не знает. Дрыхнет без задних ног.

Гномз кивнул, щелкнул пальцами, исчез.

– Мисс Элмерз, – донесся до Зови сзади знакомый голос. Долговязый спускался к ней по узкому проходу между скамеек – Добрый день. Вам не встречалась Банти?

Невыразимец смерила рыжего мистера Дримера недоверчивым прищуренным взглядом, спросила:

– А вам она зачем?

Дример помолчал, взвешивая: говорить Элмерз правду или нет, – ответил:

– Она нужна мне по вопросам моего ведомства.

Полуправда лучший вариант, прикинул долговязый.

Зови хмыкнула.

– Опять врёте, мистер Дример?

– Что значит опять? – разыграл удивление долговязый коллега. Он почти не нервничал, однако некоторый дискомфорт невыразимец ему доставляла.

Появился Гномз. Он посмотрел на Дримера, потом на Зови, спросил:

– Гномзу говорить?

Зови прикинула быстро в уме ситуацию, решила, что они оба, и она и Дример, здесь по одной причине.

– Говори.

Гномз кивнул, скрестив худые пальцы рук перед собой.

– Её нигде нет.

– Кого? – вмешался Дример. – Банти?

– Да, – задумчиво протянула Элмерз. – Банти.

– Чёрт.

– Что такое, мистер Дример? Вам есть что мне рассказать?

Деклан почесал затылок. Он окинул взором дождливый пейзаж, поразмыслив сказал:

– Вы ведь в курсе, чем занимается мой отдел.

Зови кивнула.

– В общих чертах, – сказала вслух.

– У нас есть способ следить за всеми зачарованными нами палочками. Так вот, её палочки нигде нет. Я виделся с Банти сегодня утром, вон там, – Дример указал на выступающий над трибунами балкон, в будущем предназначавшийся для важных гостей матча. – Мы поговорили, а когда я вернулся в министерство, мой коллега сообщил, что Банти исчезла.

– Это не нормально, ведь так?

Долговязый кивнул.

– Я думаю, мистер Дример, мы снова имеем дело с мисте-ром Китом.

– Что? Вы что-то узнали о нём?

Зови вцепилась взглядом за взволнованный взгляд долго-вязого. Она вновь взвешивала: сколько именно унций прав-ды можно отсыпать этому лжецу.

– Узнала. Я считаю, что он эльф.

– Эльф? – глаза Деклана полезли на лоб.

– Эльф, – повторила Элмерз. – Который пьёт обратное зелье. Неважно.

– Что значит, неважно?

– Мистер Дример, – холодно проговорила Зови. – Я считаю, что если мы найдём Кита, то скорее всего найдем и мисс Хоггарт. Я собираюсь в Хогвартс. Расспросить местных, может кто что видел. Может, кто-то помнит полулицого вол-

шебника. Ведь должен же Кит где-то брать ингредиенты для своего зелья.

Дример стоял нахмурившись. Было очевидно, что он не верит невыразимцу. Или, по крайней мере, считает её слова вопиющей ересью.

Зови прибавила игнорируя этот факт:

– Вы со мной?

Деклан помялся, но в итоге, все-таки, утвердительно кивнул.

– Отлично, – заключила невыразимец, взяла его за руку и оба министерских тут же схлопнулись оставив после себя, лишь легкий приглушенный отзвук хлопка.

Событие десятое. Школа магии и волшебства

К восьми часам вечера дом Шакпи, снаружи, был взят в кольцо журналистов, крышу, забор и окна облепили сотни сов. Он помнил историю мистера Поттера, когда того, в детстве, через дымоход, забрасывали письмами из Хогвартса и, честно говоря, предвкушал нечто подобное. Его имя, брошенное в кубок возымело эффект разорвавшейся бомбы. И как только сонный соглядатай доложил, как бы совершенно случайно, распорядителю матча необъяснимый эпизод, новость эта, за миг, облетела весь Лондон, в следующий Британию, а после – поползла по всему оставшемуся миру, как вихрь, подхватывающий все новые и новые подробности. В

основном, понятно, выдуманные.

Дом Шакпи, первой, "атаковала" вездесущая журналистка и "мать всех Лондонских сплетен" миссис Дабтонг. Вебстер помнил её, еще в те времена, когда она была мисс, не носила золота, и не одевалась по последней, вырвиглазной, моде.

Толстушка напросилась к Вебстеру, и он решил, что пусть будет она, но больше – никто. Дабтонг напишет, пожалуй, семитомник, повествующий о том, как он страдал, а потом решился и даже сама магия не могла воспрепятствовать его поступку.

В общем-то, судя по вопросам и озвученным выводам из них, Вебстер решил, что Дабтонг нечто такое уже и запланировала. С неё станется.

Спровадив журналистку, Вебстер, не без усилия затворил дверь, вернулся в столовую и до конца вечера сидел в кресле разглядывал снимок с живым изображением их с сестрой команды, и был, как минимум, раз пятьдесят сфотографирован через форточку.

Письма, благо, так и не стали сыпаться через дымоход. Однако, утром, он с трудом открыл из-за них входную дверь.

***

Им оставалось навестить только двух: лесничего Хагрида и завхоза Филча. Зови и Дример узнали, что те чаюют в хижине первого.

– Так почему эльф? – спросил Деклан следуя за сутулой замухрышкой Зови.

– Три слова, – коротко ответила та.

Дример не понял. Уточнил:

– Что три слова?

Зови остановилась, повернулась.

– Это не моя тайна, мистер Дример. Надеюсь вы понимаете?

– За последний год, госпожа Элмерз, я научился держать рот на замке.

– И врать, – прыснула Зови.

Дример промолчал.

Она была права, в каком-то смысле. Возникновение его отдела, как и его работа, по своей сути, зиждились на всеобщем вранье. Или полуправде, хотя она, как известно хуже всякой лжи.

Зови отвернулась, вновь пошагала вперёд. Отвечала:

– Эльфы используют для своих заклинаний три слова и всегда заканчивают словом "Rem". Они не говорят об этом волшебникам. Наверное, я, а теперь и вы, первые за все существование наших отношений, кто об этом узнал.

– Вот это да, – обронил Дример и тут же прибавил: – Я думал они просто щелкают пальцами.

– Я тоже так думала. Все так думают, мистер Дример.

– Ха, – усмехнулся рыжий.

– Что?

– Ну, теперь у Отдела тайн есть не только единственный сотрудник, но и одна настоящая тайна.

Дриммер не собирался её обижать, однако... для слов не нужно философского камня, что те превращались из дребезжания воздуха в остро заточенный клинок.

Мисс Элмерз повернулась, устало посмотрела на рыжего.

– Не вы первый, не вы последний, мистер Дриммер. Чего и следовало ожидать.

Сказав это она показательно повернулась и ускорив темп пошла вперед.

Делакну стало до боли неловко, что он взболтнул такую чушь. Он не должен был опускаться до министерских издевок, следовать дурацкому мнению большинства. Однако, эти самые мнения очень липкая зараза. От них не так просто отделаться. Ведь он годами слышал обидные высказывания в сторону вечно грязной, кривой дикарки, повернутой на выдумках. И, как и следовало ожидать ему самому они крепко прижились, пустили корни, выбросили гнилые плоды.

"Нет чтобы в выгребную яму, – думал Деклан, – я ношу их с собой в карманах и раздаю прохожим. Умница Дриммер. Молодчина!"

– Мисс Элмерз, – нагнав её начал Деклан, – Извините, что я повел себя как... болван.

– Как болван, – повторил за ним внезапно появившийся Гномз. Эльф шел справа, семена короткими голыми ножками.

– Добрый вечер, – поздоровался Дример.

Гномз протяжно кивнул.

Невыразимец шла не оборачиваясь.

– Мисс Элмерз! Ай, ты черт, – споткнувшись выругался долговязый. – Мисс Элмерз!

Зови остановилась.

– Бросьте, Дример, – сказала глядя на большую входную дверь хижины. – Мне на самом деле все равно, что ты там обо мне думаете.

Сказав это она поднялась по ступенькам и громко постучала в большую дубовую дверь.

Им отворил её полувеликан. Он посмотрел на троицу, по очереди: Зови, Дример, Гномз, – сказал "ой", и прибавил низким голосом:

– Вы кто такие?

Троица представилась. Гномз просто назвался Гномзом.

Хагрид признался, что он не один и пригласил пришедших во внутрь неуклюже размахивая большими руками.

В круглом помещении, сплошь усеянном бессчётным количеством маленьких звериных шкурок, перьями и прочими трофеями пахло будто в кондитерской лавке. На кровати у окна спал огромный пёс, за круглым столом у камина сидел седой длинноносый мужчина отвратительной внешности и такого же характера, судя по его недоверчивому взгляду.

Зови и Дример сели за стол, Гномз лег на кровать рядом со спящим псом, и принялся гладить того за большим об-

вислым ухом. Пес на это никак реагировал. Если бы большая грудь не подымалась и, также медленно, не опускалась, то можно было бы смело предположить, что животное давно скончалось.

– Чай будете? – спросил хозяин.

– Спасибо, нет, – ответила за себя и за Дримера Зови. – Мы ненадолго, джентльмены. Нас интересует всего один вопрос: встречали ли вы в школе, да и вообще, худощавого брюнета, с волнистым волосом, у которого нет правой брови, глаза под ней, и уха. А на руке, опять же правой, у него только два пальца: средний и безымянный. Он называет себя Лаладж Кит.

Полувеликан впился толстыми пальцами в бороду, а взглядом в потолок, приговаривая "хм..."

Длинноносый завхоз же, скривился. Казалось, он сейчас плюнет на пол или еще чего такого мерзкого сделает.

– Вы его знает, – видя эту реакцию спросила Зови.

– Видел, госпожа невыразимец. Дважды, – скрипучим голосом отвечал Филч, – Вчера и двадцать два года назад. Если бы не увидел вчера, то может быть и не вспомнил бы, что видел его и раньше.

– Где? – сдерживая желание "вытрясти" из завхоза всю правду спросила Зови.

Дример тоже сосредоточенно следил за Филчем.

– Там же, где и весной девяносто восьмого. После того, как мальчишка Поттер, победил тёмного лорда, я зани-

мался уборкой. Одноглазый появился вечером. Он расспрашивал о битве и особенно, его интересовала палочка Поттера.

– Палочка? – спросил Хагрид. – Зачем ему палочка Гарри?

– Не знаю, – проскрипел Филч. – В общем, я сказал одноглазому, что Поттер поломал свою палочку и выбросил её остатки.

– Да, все так, – согласился полувеликан и наконец уселся в свое огромное кресло. – Гарри рассказывал мне, что после битвы с сами-знаете-кем Бузинная палочка попала к нему. Только Гарри поступил правильно: он сломал её и выбросил, чтобы никто...

– Куда? – спросила Зови.

– Гарри не говорил, – признался Хагрид.

– Я знаю, куда, – вклинился Филч. – Поттер сломал её на двое и швырнул в ущелье. Одноглазый тоже об этом спрашивал.

– Но зачем ему сломанная палочка? – спросил Дример не адресуя вопрос кому-то конкретному. – Какой от неё толк?

– Как это какой? – недоумевал полувеликан. – Вот.

И лесничий положил на стол маленький, не по размеру ему, розовый зонтик.

– Зонт? – не поняла Зови.

– Зонт, – подтвердил Хагрид. – А внутри половина моей палочки. Её сломали, когда выгнали меня из Хогвартса. Но

и половиной можно многое наколдовать.

– Филч, – обратилась Зови к завхозу, – Что делал полулицый в Хогвартсе вчера?

– Он сказал, – отвечал завхоз, – Что приехал поблагодарить меня. Сказал и дал вот это.

Филч порылся в кармане, вынул руку и положил на стол маленький золотистый кулон.

– Символ Даров смерти, – с придыханием прошептал Хагрид.

– Он самый, – подтвердил Дример, – Только...

Долговязый взял кулон двумя пальцами и посмотрел сквозь пустое кольцо внутри треугольника на Зови.

– Здесь нет Бузиной палочки, – холодно констатировала невыразимец.

В комнате повисло тревожное молчание. Все кроме Хагрида понимали, что значил этот кулон. Хагрид же понимал – случилось что-то очень, очень нехорошее.

Событие одиннадцатое. Большая игра

Вебстер сидел на узкой скамейке, одетый в черную защитную форму. Его рыжий кудрявый волос спадал на наплечники. Голову коротышка склонил.

Он сидел, а шесть оставшихся членов его команды, команды Смерть, внимательно смотрели на Шакпи.

– Он сможет с ним справиться? – спросил крайний справа.

На вид парню был не больше двадцати. – Фестрал это не...
– Заткнись. – осек его капитан. Взрослый, коренастый шатен, с длинным непослушным волосом и взглядом жарким, как жерло вулкана. – Ты знаешь кто это? Это Рыжий Феникс. Он выигрывал матчи, когда от его метлы оставался прутик размером со спичечную головку.

Этого не видели, но Вебстер улыбнулся.

Стадион ревел, трибуны гремели, из зачарованного купола, на ряду с отражением всего, что было под ним, хрипел какой-то хард-рок.

Лететь на фестрале оказалось не так уж сложно, Вебстера, только, немного пугало, то, что в отличии от метлы у тощего зверя был люфт в три-четыре фута, когда тот подымал и опускал крылья. В будущем, это обещало сказаться на точности. А точность для ловца – это всё.

Шакпи погладил животное по холке, прокричал, стараясь быть услышанным:

– Держись Чернопер, у которого нет перьев. Если мы сделаем эту игру, я обещаю выстричь тебе молнию. Слышишь? Фестрал мотнул лошадиной головой в наморднике.

– Приветствую всех на Новой игре! – прозвучал знакомый Вебстеру голос секретаря. – А теперь, держитесь крепче!

Трибуны задрожали. Вверх, в сторону магического купола, точно молнии ударили около сорока магический струй. Их источники были по всему периметру стадиона. Со скрипом и треском диаметр последнего начал расти.

– Нам нужно больше места, ведь так?! – весело кричал мистер Эгансвил. – Вы согласны?!

Публика одобрительно ревела.

Не кричали только Аверилл Фейн, тихо шепнувший себе: "Позёр", и белобрысый мистер Вейд с его компанией. Те держались за металлические защитные прутья, а их лица источали презрение.

Струи исчезли, земля перестала дрожать, а стадион расширяться.

– Начинаем! – проорал секретарь, а после раздался свисток.

За несколько часов до этого...

***

Дример и Зови трансгрессировали к двери секретаря министра. Дример потянул за ручку, вошел, следом за ним вошла Элмерз.

Кряжистый мистер Эгансвил изучил тревожные лица коллег спросил, насмешливо:

– Неужели темный лорд вернулся?

Зови и Дример переглянулись. Шутку они не оценили, в силу предшествующих событий.

Дример, без прелюдий, рассказал начальнику всю историю целиком. Он, правда, не стал менять те эпизоды, что выдумал для Зови. Рассказал их именно в таком, придуманном

им виде.

Выслушав подчиненного Эгансвил встал со стула, стал расхаживать по кабинету взад-вперед. Ему так легче думалось. Привычка, что поделать.

– Значит, – сказал секретарь помолчав. – Вы говорите, что есть шанс, дескать, в данным момент существует обладатель Бузинной палочки?

Дример и Элмерз кивнули.

– А что же он делал двадцать два года? И почему мешкает сейчас? У вас есть предположения на этот счет?

– Простите, сер, – начала Зови, – но пользуясь магловскими терминами: среди нас волшебник, у которого, в наличии, атомная бомба. Имеет ли смысл дожидаться, когда он её использует?

Эгансвил невесело усмехнулся.

– Да. В этом сравнении есть доля правды. Скажите, Элмерз, а вы здесь зачем? От вас, лично, я не услышал ни слова.

Зови поерзала на стуле.

Эгансвил не нравился ей. Но: трудные времена требуют отчаянных поступков.

– Моя теория, лучше останется при мне.

– Да-да. – Эгансвил закивал, – Дурная репутация хуже глупой совы. Так мне говорил отец. Хорошо. Я сам займусь этим Китом. Я, в общем-то, уже им занят. Еще с тех пор, как случилось то странное ДТП. Но пока, увы, успехи мои близки к нулю.

– Вы отмените матч? – Зови решила идти в любовую. – Вы понимаете, что этот мерзавец вряд ли пропустит такое событие?

– Причем здесь Кит? – Эгансвил остановился. Оперся мо-
золистую рукою о толстую столешницу. – Нет-нет, – продол-
жал. – Никаких отмен. Сами подумайте, что он может сде-
лать? На матче будут сотни опытных, да что там, великих
волшебников. Мы с ним справимся.

Увидев в глазах сутулой блондинки огонь обещающий
продолжительный спор, Эгансвил указал на дверь и твердо
прибавил:

– Свободны.

***

– Я правильно поняла, что он назвал себя великим вол-
шебником? – спросила Зови, когда они с Дримером вышли
из кабинета.

– Он и есть великий волшебник, госпожа Элмерз. –
невесело ответил долговязый. – Его заклинание слежения
– нечто. С этим трудно спорить. Чип Эгансвил – Дамблдор
нашего времени.

– Или Гриндевальд, – пробубнила под нос Зови.

– Что? Простите, я не расслышал.

– Ничего.

Повисло молчание.

Оба понимали, что цель у них одна, и что они – одни. Матч не отменяет, видимой помощи – не будет.

– Я предлагаю отправиться в Хогсמיד, – сказал Дример после короткой паузы. – Поищем Банти там.

– Почему Хогсמיד? – Зови нахмурилась.

– В этом месте заклинание шефа... Эгансвила, сбоило чаще всего. К тому же я поклонник действия, а не ожидания.

Проговорив это Дример сам себе не поверил.

Он – и действие. Он – и другой волшебник; женщина, пусть и выглядит, как сутулый леший, – вот уже скоро сутки, как вместе. Он спас Банти, и пытается спасти её снова... Черт возьми, он видит фестралов. Осень. Это всё осень и дело начавшееся в четверг. Правду говорят, не стоит ничего начинать по четвергам. Из этого не выйдет...

Но закончить мысль ему было не суждено. Зови схватила его за руку – ох и цепкие были у неё пальцы – и они оба схлопнулись. Быстро, молниеносно, бесследно.

***

– Миссис вы в беде?

Среди шума волн и крика чаек, донесся до Банти шепелявый мужской голос. Он долетал со стороны входной двери, вместе со звуком шагов.

– Птф, – Банти наконец выплюнула веревку. Та словно бы стала не такой тугой. – Болван! Сюда! – закричала остроли-

цая.

– Миссис? – вновь прилетел голос.

– Я мисс! – вопя поправила его Банти.

– Вы значит не замужем? – спросил шепелявый.

Звук шагов стал странным, словно тот топтался на месте.

– Какая разница?! – в ярости рычала Банти. – Иди сюда, скорее! Я связана!

– Скорее не могу, – отозвался мужчина, – Нога болит.

– Мне плевать на твою ногу! – негодовала Банти. – Меня похитили!

– Кто? – буднично поинтересовался незнакомец.

– Какая разница?!

– Как это? А вдруг это темный волшебник и он меня убьет.

А?

– Это не темный волшебник, – соврала немного успокоившись Банти. – Быстрее!

Шаги притихли.

Банти нахмурилась, напряглась. Она не могла понять только одно: как можно быть таким идиотом?

– Сер? – выкрикнула девушка. – Сер?! Извините, что обзывала вас! Сер?! Я связана. Мне больно.

– Очень? – не громко спросил незнакомец. Казалось, он стоял у самой двери, но входить от чего-то не хотел.

Банти загорелась. Всё её нутро полыхало, словно лесной пожар. Она пообещала себе, что убьет этого дурака, как только он развяжет её. Что будет пытать его, как проклятых пик-

си, что... И снова ярость сменила беспомощность. По щекам Банти полились слёзы.

– Сер, прошу вас...

– А что мне вы можете предложить взамен?

"А-а-а!", – мысленно взывала Банти. Она вновь пообещала себе, точно пообещала, что как только она станет свободна этому остолопу несдобровать. Ох, и попадет ему...

– Что ты хочешь?

– Ну... не знаю... Скажем... ваши волосы.

– Что?!

– Или одежду.

– Зачем? – не понимала девушка.

– На память, – прошепелявил мужчина. – А что? Вы разве против? Ну, тогда я...

– Хорошо! Хорошо! Только освободи меня!

– Э-э-э не... А, вдруг, я вас освобожу, а вы не сдержите слова. А, миссис?

– Я мисс!!!

Банти чувствовала, что еще несколько минут такого разговора, и она сойдёт с ума.

– Вы не нервничайте, – помолчав начал незнакомец. – Не нервничайте. Это вы в трудном положении, а не я. Я могу уйти, а вы нет. Так что нечего на меня орать. Я и сам могу...

– Уходи.

– Что?

– Уходи, я сказала! – приказала незнакомцу Банти. –

Прочь!

Судя по всему, незнакомец подчинился, поскольку тут же до остролицей донесся дробный стук шагов.

Через минуту вокруг были, лишь шум волн и крик чаек. Порою, звучал скрип самого дома. Низкий, унылый, тихий.

– Миссис! – теперь голос раздался откуда-то со двора. Другой голос, однако тоже назвавший её "миссис". – У вас все в порядке?

Банти оглянулась, но она никого не видела, и только теперь поняла, что и её тоже никто видеть не мог. И... не может.

– Миссис? Или вы мисс? Ей, вы там?

Событие двенадцатое. Дом, в котором

– Куда мы идем? – спрашивала Зови не слишком часто бывавшая в Хогсмиде.

Они прошли "Сладкое королевство" и теперь, шли по безлюдной улице на север.

– Мы идем в Визжащую хижину, – объяснил Дример. – Там сбоят чаще всего, хотя... К ней редко кто-то ходит. Местные стали бояться её еще больше, после взрыва в две тысячи четырнадцатом.

– Взрыва?

– Да, – Деклан кивнул, подымая ворот своего пиджака, укрываясь от жгучего, холодного ветра. – Странная история.

Вроде бы все слышали взрыв, даже вспышку видели, а хижина стоит, как ни в чем не бывало.

– Странно...

– Вот именно. Как я понял: если знаешь нечто странное – жди Кита. Вот только... Зови, – он впервые обратился к ней на "ты", – У Кита Бузинная палочка. Ты знаешь, как мы справимся с ним, если встретим?

Невыразимец молчала. Зато ответил внезапно, впрочем, как всегда, появившийся Гномз.

– Бузинную палочку, слышал Гномз, нельзя победить в дуэли. Но если нас будет трое против одного, это ведь не дуэль. Гномз прав?

– Что-то ты зачастил, – сморкая носом бросила невыразимец.

– Гномз не хочет новую хозяйку. Гномз привык к, ивакак Зови.

Блондинка усмехнулась. Ответила, на его предыдущую фразу:

– Может ты и прав, Гномз. Трое на одного – это не дуэль.

***

Двухэтажное, вытянутое вверх здание с заколоченными окнами имело действительно угрюмый и пугающий вид. Вокруг него, некогда, был садик, но теперь все деревья в нем были сухими и безжизненными.

Они шли, а промозглый ветер дул ну просто-таки отовсюду.

Дример, Гномз и Элмерз поднялись по скрипучим ступенькам на узкую террасу. Входная дверь прогнила, краска на ней лущилась, местами ее не было совсем.

– Я войду туда один, – сказал долговязый взявшись за круглую ручку.

– Гномз думает, что волшебник назвавший себя болваном, сейчас пытается нам это доказать.

– Вот именно, – согласилась Зови. – Вы, мистер Дример, окончательно лишились разума. Хотите попытать счастья в заведомо проигрышной дуэли?

– Если бы он хотел, – парировал Дример, – убил бы меня в тот самый вечер, когда я впустил его к себе в дом.

– А меня немного позже, но это ничего не доказывает, – возразила Элмерз. – Кит игрок, это ясно. А значит, он с легкостью может нарушить объявленные заранее правила. Сжульничать, вы не думали об этом? Мы идем вместе, мистер Дример. Это не обсуждается.

Долговязый пожал плечами, потянул дверь на себя. Та поддалась, хотя он был убежден, что прогнившая ручка останется у него в руке.

За дверью был слышен шум волн, крики чаек и свист ветра. Троица проделала несколько шагов по ветхой прихожей, как вдруг входная дверь с грохот закрылась. В прихожую опустился мрак. А когда Дример зажег свою палочку, то он

уже был в ней один. Ни Зови, ни Гномза за ним не было. Деклан несколько раз, негромко, позвал их, однако ответа не последовало. Дример выставил палочку перед собой, готовый в любой момент применить атакующее заклинание, и стал медленно продвигаться в глубь дома.

Он шел все время оборачиваясь и каждый раз видел, что в какую бы пустынную комнату, с облупленной штукатуркой, он не входили следующая дверь вела в гостиную. Не веря своим глазам Дример стал по центру спальни, на втором этажа и понял, что в дверном проеме он видит лестницу, которая ведет... в неё же. В эту самую спальную. Дример прошел одни и те же комнаты два десятка раз и пришел к выводу, что в доме, теперь, нет только одной: вытянутой прихожей в конце которой выход.

Дример направил палочку в заколоченное окно из которого сочился соленый воздух и доносились крики чаек и проделав той круг по часовой стрелке громко выкрикнул: бомбардо максима!

Жуткой силы волна ударила долговязого в грудь, отбросила на несколько шагов назад. Дример столкнулся со стеной, упал на пол. Его лицо и одежда были перепачканы щепками, побелкой и песком. Деклан встал, вытер лицо и осмотрелся. Мало того, что окно оставалось абсолютно таким же, как и раньше оно – стало в разы больше. Все стало больше. И кривой стульчик у стены, и порезанные кем-то картины. А лестница... Дример не был уверен, что даже подпрыгнув он

сможет дотянуться до первой ступеньки.

– Что за чертовщина... – сказал Деклан отряхиваясь и тут же был вынужден спрятаться за ножку табурета.

Из спальни комнаты, что на втором этаже вышел, противно мяукая, будто канюча корм, черный потрепанный жизнью кот. У него не было одного глаза и одного уха. И теперь, в связи с тем, что долговязый едва достигал двух дюймов кот представлял не шуточную угрозу. Оборванец, как пить дать, не испытывал к волшебникам любви, а к маленьким двуногим животным – тем более. К ним он, скорее всего, имел интерес: большой и непрерывный.

***

Шакпи был на коне. И в прямом, и в переносном смысле. Хотя он значился ловцом, но ему, все же, хотелось пощупать Чернопера: маневренность, скорость, способность дать отпор. Последнее особенно.

Хоть распорядитель и позаботился о том, чтобы у хищников были намордники, когти пострижены, а на лапы надеты специальные перчатки – дух соперничества передавался и им. Гиппогрифы лягались на лету, фестралы атаковали помимо лап еще и хвостами.

Вебстер, под бурю аплодисментов, свистов и выкриков; фейерверков и гром барабанов, – летел к воротам, держа по мышкой квоффл. Чернопер же тащил обвив хвостом за

ногу загонщика Жизни. За ними следом, не отставая, мчался бладжер, пущенный вторым загонщиком вражеской команды.

Достигнув нужной отметки, Вебстер стал на седло ногами, и крепко замахнувшись бросил мяч в левое кольцо. В момент броска за его спиной, раскрывшись, вспыхнули оранжево-красные магические крылья.

Вратарь Жизни не успел. Стадион взорвался бурей возгласов. Это были вторые десять очков.

"Фе-никс! Фе-никс!" – звенело в ушах у Вебстера. Чернопер зашёл в поворот, коротышка вновь стал на седло, а когда фестрал повернулся на бок, вертикально, Шакпи съехал вниз по крылу, ухватился за его конец руками и двумя ногами выбил загонщика столкнув того с преследовавшим их бладжером.

Болельщики от увиденного учинили настоящее землетрясение.

Чернопер выровнялся, Вебстер вновь полыхнул крыльями. Он заметил снитч, и схватившись за поводья резко дернул левой рукою на себя.

20-40. Они проигрывали. Но это, пока, думал Вебстер. Феникс умирает, однако, он тут же воскресает в огне. Умирает, исполнительный педант и министерский служака, а на сцену вновь выходит чемпион. Тринадцать лет спустя. Тринадцать лет, черт возьми.

"Фе-никс!" – кричала толпа. И Шакпи был готов отклик-

нутья на её зов. Как же он за этим скучал.

***

– Дример? – обронила Зови в крошечный мрак. – Гномз? – прибавила, но и сейчас отклика не было.

Невыразимец сделала три осторожных шага вперёд, уперлась в дверь. Нащупав ручку, она повернула ту, открыла и переступив порог выкрикнула: эспеллиармус!

Кит увернулся, выставил вперед свою палочку-кость. Из неё выстрелила голубая плазма и на центре комнаты она столкнулась с желтой, выпущенной Зови.

– Здесь жил оборотень, – кричал Кит перекрикивая треск и хрип столкнувшихся лучей, – другой "оборотень" здесь погиб. Нет места лучше, мисс Элмерз, чтобы выяснить истинную природу вещей. Вы согласны?

Зови не могла ответить, впрочем, и не собиралась. Она целиком была сконцентрирована на удержании луча, который, пока, выдерживал напор полулицого. Однако, ей было трудно избавиться от мысли – не бояться её – что у Кита осколок Бузиной палочки, и что возможно, вот он её конец.

Приступ сомнения дал лучу Кита один дополнительный метр.

– Боритесь, мисс Элмерз. Не сдавайтесь. – весело кричал полулицый. – Настоящее оружие это вы, а не ваша палочка. Настоящая магия – внутри вас. Ну... Ну... Да, хорошо. Вы

вновь уравнили счет. А сможете его приумножить? В свою пользу?

– Жизнь для вас пустышка, мистер Кит?! – прорычала невыразимец.

Кривое плечо болело, голова гудела от напряжения. Казалось, в желтом луче вся её энергия, вся сила, вся душа, целиком.

– Конечно, же нет. Однако, в волшебнике, мисс Элмерз все должно быть прекрасно: и палочка, – луч Кита резко прибавил метр, вены на шее Зови вздулись. Она задержала дыхание, – и, – Кит схватил за горло появившегося Гнозма, держал того над землей, – окружение, и – голубой луч развеял её, желтый, будто тот и ранее не оказывал сопротивления, и поглотил Зови без остатка, – внешность. Иначе – это не волшебник, мисс Элмерз, а горстка...

Она не разобрала чего.

Не было еще в жизни невыразимца боли способной сравниться с той, что она испытывала будучи поглощенной голубым лучом Кита. Казалось, каждая кость ломалась на маленькие острые осколки, которые вращались в непрекращающемся вихре, впиваясь в мышцы, изнутри, разрезая жили, рассекая кожу миллионами крохотных саднящих надрезов. Зубы лезли обратно в челюсти, путались в собственных нервах, превращали десна в варенье. Зови хотела кричать, но язык крепко вжался в горло не давая ей ни в вдыхать, ни выдыхать.

Невыразимец не знала, не понимала, сколько это продолжалось. Она была готова умереть. Она хотела этого. Грезила пустотой взамен всепоглощающей боли. Однако, попытка прекратилась, её озаглавил громким крик, а после глухой хлопок. Кого-чего, Зови не разобрала.

Девушка упала на устланную короткой травой влажную землю, хрюкнула и жадно вобрала легкими промозглый осенний воздух.

Событие тринадцатое. Простые волшебные вещи

Долговязый рыжеволосый мистер Дример бежал не помня себя. Он бежал, а за ним гнался, криво ступая, гигантский черный кот.

"Агуаменти!" – прокричал Деклан метая заклинание за спину.

Большая по его меркам, однако не особенно – по меркам преследовавшего его кота, струя воды брызнула в мышелова. Черный оборванец встал на дыбы, выставил хвост трубой. Дример остановился, выкрикнул: "Не нравится?!"

Кот зашипел, прижался к земле, завилял задом. Дример помнил, что его кот Ржавь, всегда так делал перед броском. Он помнил, и это ему не нравилось.

Кот прыгнул.

"Ваддивази!" – прокричал Дример и благо, стул подчинился чарам.

Кривой табурет сбил пушистого в полете, отбросив того к заколоченному окну.

Кот упал, но тут же вскочил и бросился в сторону Деклана. "Еще?! – бросил Дример и взмахнув палочкой произнёс – Инкарцero!"

Тонкие верёвки принялись оплетать тело кота. Его голова завертелась, челюсти защелкали. Мышелов срывал с себя лишнее, вырывая попутно клочки шерсти. Дример же понял, что это ненадолго.

"Соппоро!" – выкрикнул долговязый.

Кот зевнул. Он больше не пытался воевать с веревками (они, к слову, и не лезли больше). Лохматый потянулся, потоптал лапами пол, обернулся несколько раз вынюхивая место под собой и свернувшись калачиком уснул.

Деклан наклонился, отдышался. Это следовало сделать. Категорически, следовало. Не каждый день он столько бегает, столько думаете, столько колдует. Черт возьми, – борется за собственную жизнь. Не каждый...

– Эй! – услышал он до боли знакомый, полный приятного ему яда голос. – Вы все сдохли там, что ли? Эй, мерзкие призраки? Э-эй!

– Я здесь Банти! – как мог громко ответил на её голос Дример, но тут же понял, что сейчас, его баритон больше напоминает высокий-высокий сопрано. Вряд ли у человечка ростом в два дюйма может быть глубокий грудной голос.

"Энгоргио", – указав на себя палочкой проговорил Де-

клан. Он держал её до тех пор, пока его рост, плюс-минус, не стал, как раньше.

– Банти! Ты меня слышишь?

– Деклан?.. Я здесь! – донеслось до него откуда-то сверху. Дример взбежал по лестнице на второй этаж, открыл спальную и вновь оказался в гостиной, но только теперь, там не было кота, а на кривом стуле сидела связанная, зарёванная Банти Хоггарт.

Делкан развязал её, и она... Он, если честно не ждал, что Банти набросится на него, однако она сделала именно так, поцеловала. А потом выхватила палочку направила её в сторону двери и яростно выкрикнула:

– Эта дверь, чертов боггарт. Редикулус!

Стены задрожали, заскрежетали половицы. Не прошло и двух секунд, как пол под ними исчез и Банти вместе с Дримером полетели вниз. Полетели, точно на... мистера Кита, держащего за горло Гномза.

***

Снитч метался по полю крохотным золотистым колибри. Он резко сворачивал в сторону, пронёсся в метре от Вебстера и Чернопера. Но Шакпи не сдавался. Рыжий Феникс не знает, что такое поражение. Он умирает, и воскресает вновь из горстки золы.

Шакпи потянул поводья на себя, Чернопер полетел вверх.

И только когда до купола оставалось не больше десяти футов Вебстер отпустил их, и повернувшись отправился в свободное падение. Он летел быстро, его широкие щеки трепыхались встречая густой воздух. Снитч летел казалось мимо, казалось он должен был пролететь за миг до коротышки, но...

Магические крылья вспыхнули, Шакпи схватил рукою золотого крылана и пасовал того в сторону балкона. Он метил прямо в мистера Эганвила, и это тоже ему удалось. Секретарь выставил руку, поймал мяч и подняв его над головою энергично выкрикнул: Смерть – победила! Рыжий Феникс Шакпи поймал снитч!!!

Купол превратился в экран, который показал на повторе, как крылатый Вебстер ловит маленького шустрика и пасует того секретарю.

Чернопер поймал Шакпи хвостом в футе над замелей, забросил в седло и полетел минуя трибуны и восторженных болельщиков. Шакпи кричал, улыбался и плакал. Этого не было видно ведь на скорости его слезы срывались не оставляя даже потеков. Вебстер летел в седле срывая с себя защиту и бросая её части в сторону трибун, он раз за разом выпускал магические крылья и кричал чувствуя, как именно жизнь, а не следы на песке зажигают его огромную рыжую душу.

***

Перед её кабинетом стояли двое мракоборцев, а в голове

у Зови до сих пор крутилась фраза секретаря: только вам, так он сказал.

"Только, мне", – повторила Зови и вошла в свой кабинет.

Кит сидел в кресле, где обычно любил уместиться Гномз. Его семипалые, в сумме, руки лежали на столе, закованные в магические кандалы. Черная волнистая челка спадала на увеченную часть лица и так, волшебник, даже казался привлекательным, но Зови прекрасно помнила, что она чувствовала будучи в его голубом луче, и что тот сделал с ней после.

– Вы и раньше были красивы, госпожа Элмерз, – говорил Кит наблюдая, как невыразимец закрывает дверь, как идет, и как садится в свое кресло, – но теперь, я не могу от вас оторвать мой единственный глаз.

Зови громко выпустила носом воздух. Она уже успела себя убедить не швыряться в заключенного непростительными заклятиями. Однако, ей очень, очень хотелось противоречить себе.

– Кто вы? – холодно спросила Элмерз не распыляясь на словестные игры.

– Эльф, – к её радости коротко ответил полулицый. Коротко, да только...

– Я верю свои глазам, мистер Кит. А они говорят мне, что вы человек.

– С вашими прелестными глазами, мисс Элмерз, я спросить права не имею. Однако, вынужден повторить: я эльф.

Зови молчала, Кит продолжил:

– Просто, оказывается, что у эльфов есть тайны, которые они сами о себе не знают. Я вот не знал, что если совершать не свойственные эльфам поступки, злые поступки, ужасные поступки, – то можно стать очень сильно похожим на человека.

Теперь помолчали они оба.

– Ладно, – осмотревшись бросил Кит. – Я знал, что придётся так, знал. Хотя и хочется как-то по-другому.

Меня действительно зовут Лаладж. И я, действительно, эльф, мисс Элмерз. Несколько веков назад, мой бывший хозяин, Клетис Кит, у которого было две любимые сестры, потерял одну в следствии дуэли. Против неё вышел очень сильный волшебник и госпожа Кит проиграла. Тогда хозяин решил, что он создаст палочку, которая не даст волшебнику проиграть. И он создал – Бузинную палочку. Он сделал сердцевину для неё из волоса фестрала, ведь после смерти сестры он уже мог видеть этих прекрасных существ. Однако, так уж вышло, что в наш дом пришёл маг по фамилии Певерелл. Антиох Певерелл. Хозяин, не послушал меня, и стал хвастаться перед ним своим творением, а ночью, этот прохвост обокрал нас.

Я знаю, что потом его ждала не добрая судьба, однако, недобрая судьба ждала и нас с хозяином. Когда Клетис узнал о краже, то обвинил во всем меня. Он сказал, что тот, кто не остановил вора, сам не лучше вора и за это он получит кару достойную воров. Хозяин отрубил мне руку. Эту руку, –

Кит показал Зови двухпалую кисть в магических кандалах, – Я же, – он продолжал, – долго мучился с порывом отомстить хозяину.

И вот однажды, – я хранил её – я использовал кость своей руки, как палочку и стал мучать хозяина. Я мучал его, госпожа Элмерз, целый век используя заклятие *humano cruciatus gem*. Заклятие круцио, только в эльфийском исполнении. В сотню раз сильнее и страшнее.

Когда-то, когда эльфы были наравне с людьми, один злой эльфийский маг с помощью него создал дементоров. Вот и я, сотворил из Клетиса нечто подобное. Впрочем, вполне себе дементора. Пока я днями и ночами, на протяжении лет подвергал хозяина мукам, я сам менялся. Я стал выше, у меня вновь выросла рука, правда пальцы выросли не все. И лицо, в моем новом облики, стало не полным. Оно будто бы шрам, все время напоминает мне, что я больше не могу видеть жизнь, а только её следы на песке.

Вот такая история, мисс Элмерз. Грустная, жестокая, но другой, увы, нет. Если конечно, вам интересна правда, а не мои выдумки.

– Зачем вы все это делали? – решив осмыслить сказанное Китом после спросила невыразимец, – Зачем мучали Дримера? Зачем подвергали Банти опасности? Зачем вам палочка? Зачем вы... Зачем выровняли мне спину? Зачем, Кит?

Кит молчал.

– А дом-боггарт. Вы знаете, что сказал мне Дример? Он

сказал, что если боггарт может прикинуться домом, то что если окружающий нас мир, мир полный страхов...

– О-о-о, – затынул полулицый перебив её, – Нет-нет-нет, госпожа Элмерз, так вы далеко заберетесь.

– Да, – Зови кивнула. – И все же, Кит, зачем?

Полулицый хмыкнул.

– Я не собираюсь все вам рассказывать, – ответил глядя ей в глаза. Признаться, делал он это искренне и тепло. – У меня и так уже язык устал. Но... Вы мне нравитесь, Зови, правда. Не как волшебница, а как женщина. Понравилась еще тогда, у автобуса. Помните? Уверен, помните. А потому, я дам подсказку: стоит внимательно смотреть на то "что" делают, ведь именно там настоящий ответ "зачем".

Кит помолчал продолжая не моргая смотреть на неё.

– Выпьете со мной кофе, госпожа Элмерз. Сегодня в восемь.

Глаза невыразимца округлились.

– Скажите да, Зови. Ваше молчание разбивает мне сердце. Хотите, покажу?